

ЗАГОВОР

**СОРВАТЬ
ЗАГОВОР**

СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ

ИСРАЭЛЬ ШАМИР

**Дарья Асламова
Шура Буртин
Исраэль Шамир
Сорвать заговор Сионских мудрецов
Серия «Заговор»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6376287
Сорвать заговор Сионских мудрецов./Шамир И.: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-6993-9520-0*

Аннотация

В XX веке «старые элиты» ушли со сцены, их место заняли почитатели Мамоны. «Мамонцы», как называет их И.Шамир, стремятся захватить в свои руки штурвал власти над миром. Для них любой, кто не поклоняется культу наживы – уже фашист, любой, кто не их крови – недочеловек.

Заговор против свободы действительно существует. Под руководством сионских мудрецов его осуществляют «новые мировые элиты», использующие против своих народов, по наущению израильского лобби, спецслужбы и СМИ. Однако 11 сентября 2001 г. была сломана волшебная пентаграмма Пентагона и рухнула Вавилонская башня Близнецов. Близок день, когда мировой заговор сионских мудрецов будет сорван.

Об этом новая книга известного израильского писателя и журналиста И. Шамира.

Содержание

Вместо предисловия	4
Как убить в себе еврея	4
Убить в себе еврея может каждый	5
Война духа[1]	15
Апокалипсис – сейчас	15
Трилистник и Крест	33
Об искусстве [15]	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Израэль Шамир

Сорвать заговор Сионских мудрецов

Вместо предисловия

Как убить в себе еврея

«Призрак ходит по планете, призрак избранничества евреев. Этот призрак сводит людей с ума... Этой формой душевной болезни страдает значительная часть израильского населения. Болезнь позволяет ведущим израильского телевидения говорить, что еврейского ребенка «убивают (нирцах) гнусные убийцы», а гойский «умирает (нехераг) в столкновении с армией». Она позволяет возмущаться взрывом автобуса в Хедере и восхищаться бомбежкой Газы. Она позволяет хоронить русских олимов (иммигрантов) за забором кладбища и отбирать поля и рощи у палестинцев. Болезнь эта дошла до того пункта, когда у нас с ней, как говорится, осталось только одно разногласие, да и то по земельному вопросу: или она нас похоронит, или мы ее» – так пишет в своей книге «Каббала власти» знаменитый израильско-русский писатель и публицист Израэль Шамир.

Мы сидим с Израэлем в прекрасной прохладной зале, продуваемой ветром с моря, в городке Яффа и мирно пьем арак. «Я убил в себе еврея», – спокойно говорит этот маленький улыбчивый человек. «Каким образом?» – удивляюсь я. «Стал православным христианином. Меня крестил палестинский архиепископ. Я хожу в арабскую православную церковь и молюсь вместе с палестинцами». «А если вы почувствуете, что еврей в вас снова просыпается?» – коварно спрашиваю я. «А я его снова замочу, – смеется Израэль. – Каждый еврей может и должен замочить в себе еврея». «А не боитесь, что вас обвинят в антисемитизме?» – «Антисемитами называли Т.С. Элиота и Достоевского, Жене и Гамсуна, святого Иоанна и Йетса, Маркса и Вуди Аллена – и я предпочитаю быть в их компании».

Израэль Шамир, бывший советский диссидент, приехал в Израиль в 1969 году убежденным сионистом, участвовал в войне Судного дня в 1973-м. В конце семидесятых глубоко разочаровался в сионизме, придя к выводу: иудаизм и сионизм – опасные формы расизма. «Евреи не более кровожадны, чем остальное человечество. Но безумная мысль об избранности, мания превосходства – расового и религиозного – движущая сила любого геноцида, – пишет он в своей книге «Каббала власти». – Когда японцев поразила вирус этой болезни в 1930-х, они раскурочили Нанкин и ели печень пленных. Немцы, одержимые комплексом арийского превосходства, завалили Бабий Яр трупами. Вдумчивые читатели библейских книг Иисуса Навина и Судей, отцы-основатели Соединенных Штатов, примерили на себя корону избранничества и почти полностью истребили индейцев».

«Я приехал в Израиль молодым националистом, из тех, что видят палестинцев только через мушку, – объясняет Израэль Шамир. – Потом началась коррекция. Евреи сейчас переживают волну опьянения национализмом. Но это не навеки. Немцы тоже пережили волну тяжелого националистического угара. Проблема в том, что евреям удалось за столбить за собой нишу манипулирования сознанием – мировые СМИ. Создан огромный аппарат оглупления и пропаганды. Но и с этим можно справиться. В конце концов есть Интернет». – «Вы не чувствуете себя паршивой овцой в вашем племени?» – «Я должен быть там, где правильно. И правильно не для моего племени, а для всех. В XXI веке племенной подход устарел».

Дарья Асламова (КП)

Убить в себе еврея может каждый

Мы с Шамиром сидим в кафе в Рамалле. С нами палестинский профессор Гасан Абдалла и его французская жена.

– Мы с Гасаном всегда спорим, – смеется Шамир. – Он не любит ХАМАС, а мне он нравится.

– ХАМАС?!!

– Да мне вообще нравятся верующие: хорошо, когда люди думают о душе. Хамас заботится о людях, делает много хорошего – школы, больницы. Они не коррумпированы...

Тут француженка вспоминает, что книги Шамира запрещены во Франции за антисемитизм.

– Вы правда ненавидите евреев?

– Да нет, конечно. Сартр сказал, что все люди – евреи, или могут ими стать. У меня позиция обратная – мне кажется важным убить еврея в себе. То есть отказаться от национального эгоизма, от «вы тоните, а я поплыву».

Я много лет то тут, то там слышал про Израэля Шамира, но в образ эти сведения не складывались. Советский диссидент, борец за право евреев на выезд в Израиль, израильский спецназовец, военный корреспондент во Вьетнаме, переводчик великого еврейского писателя Шмуэля Йосефа Агнона, тончайший знаток иудаизма, японист, колумнист русофильских газет «День» и «Завтра», лидер израильских ультралевых, выступающий за демонтаж еврейского государства, самый известный в мире израильский публицист, автор нового русского перевода «Одиссеи». Казалось, это какие-то разные Израэли Шамиры – может, однофамильцы.

Но по телефону отвечает конкретный Шамир – хриплый, веселый и расслабленный: «Потрепаться про Палестину? А я туда завтра еду, присоединяйтесь».

Он подбирает нас на трассе Тель-Авив – Иерусалим и оказывается низеньким, коренастым, загорелым шестидесятилетним мужичком. Похож скорее на араба, чем на еврея. Глаза веселые, очень живой, дружелюбный – но себе на уме.

– Сначала заедем в Иерусалим, я вам кое-что покажу...

Мимо тянутся скучные типовые городки. За десять лет, что я тут не был, Израиль очень изменился. Раньше было ощущение, что ходишь по фанерным декорациям, наспех выстроенным на Луне. Шаг в сторону – и из театра людской жизни попадаешь в древнюю пустыню, где бродили со своими стадами пророки. Чувствовалось, что стране всего пятьдесят лет – мгновение в истории этой земли.

Теперь это свежее чувство исчезло, все позастроили. Население сильно выросло, город поглощает равнину: весь Израиль-то – сорок километров в ширину. В городках – лес многоэтажек. Здесь стало как-то обычно и скучно.

Но хайвей несется в гору, мимо начинают мелькать сизые каменистые холмы – и вдруг я их узнаю: в их форме словно звучат строки Библии. Удивительно, но в тексте каким-то образом запечатлелся этот рельеф. Обычные вроде горы, но глядишь – и совершенно ясно, что Библия была написана здесь.

– Вы, наверное, самый известный антисионист – а начинали сионистом.

– Да, по молодости был большим антисоветчиком. Ну, знаете, в 60-х был большой душевный подъем, надежды, что что-то изменится, жизнь пойдет дальше. Конечно, занимались всякой диссидентурой, я дружил с Сашей Даниэлем, Вадиком Делоне. Но все это закончилось с вводом войск в Чехословакию в 1968-м. Это был ужасный облом. Я жил

в Новосибирске, помню, мы с другом, Степой Пачиковым (в будущем – одна из ключевых фигур российского софтверного бизнеса – «РР»), ходили ночью по Академгородку

и писали на стенах: «Руки прочь от Чехословакии!». Все надежды рухнули, но народ был энергичный, а я-то особенно, – мы все бросились искать другие дела. И тут как раз появился на горизонте сионизм. Тоже было интересно: подполье, кружки иврита. Были явки, приезжали евреи со всего Союза – из Грузии, с Украины, из Прибалтики, Бухары, все такие разные, узнавали друг о друге. В лесах собирались, на Рижском взморье, на одесском Лимане. Сидели у костра, пели еврейские песни, рассказывали басни про героическую борьбу. Было очень весело. Это было очень жизнерадостное движение – в отличие от диссидентов, которые пили «за успех нашего безнадежного дела». А там были ясные, осуществимые цели, и от этого был оптимизм.

Знаете, что я в этом нашел? Это же были 60-е, молодежь везде увлекалась национально-освободительной борьбой, грезил Вьетнамом, Кубой. Потому что там была простая, очевидная справедливость. Им тоже хотелось быть в джунглях, среди партизан – или хоть помитинговать в их поддержку. А тут тоже получалась такая борьба, только еще оказывалось, что ты сам вьетнамец.

– А как вы стали спецназовцем?

– Ну, я приехал, меня встретили замечательно. Все тут было сказочно: евреев из России были единицы, все носились со мной, как дурень с писаной торбой. Ну а когда к человеку хорошо относятся, хочется дать больше. Я тогда в армию пошел. Армия мне понравилась, получил очень много удовольствия. Служил в замечательных десантных частях, у нас были такие красные ботинки, я ими очень гордился. Да и физически очень полезно побегать по горам.

Ну а потом война началась – война Судного дня, с Сирией и Египтом. Война – это тоже, знаете, красиво и интересно. Война – вещь увлекательная, мощь, стихия. Мальчишки любят такие вещи. Здорово это – бегать, стрелять.

И задачи у нас интересные были – это достоинство десантных частей. Например, забросили глубоко в тыл, фиг знает куда, на дорогу Суэц – Каир, отрезать снабжение египтян. Сидим: с одной стороны прут танки, с другой – пехота. Интересно! Помню, когда в первый раз попал под артобстрел, подумал: «Это же ведь они, дураки, и попасть по нам могут! Что они, не видят, что ли, нас?» Конечно, грустно, что люди гибнут, но на войне как-то по-другому к этому относишься. В общем, очень мне понравилось. Потом я демобилизовался, но хотелось еще. Я тогда уехал во Вьетнам, Лаос, Камбоджу – военным корреспондентом. Хотя, конечно, другая война, и журналистом быть гораздо легче, чем солдатом.

А с другой стороны, именно в армии я увидел Палестину. Помню, бегал на тренировке по лагерю, а за колючей проволокой крестьянин с сохой боронил землю вокруг масличных деревьев. И так я ему завидовал! Мне ужасно захотелось тоже родиться тут, на склоне холма, среди коз, у виноградаря.

Лифта

Машина карабкается в гору, на которой раскинулся Иерусалим. Но Шамир вдруг паркуется где-то на автостраде, среди бетонных развязок. По пыльной тропинке мы спускаемся в ущелье и видим заброшенную арабскую деревню.

– Вот причина того, что происходит в Газе. Это Лифта, жителей выгнали в 48-м и не позволили вернуться. Таких деревень четыреста пятьдесят. Большинство их снесли бульдозерами и засадили лесом, чтобы и следа не осталось. Газа – это дети и внуки жителей, согнанных отсюда.

Деревня красивая, по склонам раскиданы роскошные каменные дома арабской архитектуры. Заходим – пусто, копать и дыра в потолке.

– Военные проломили крыши, чтобы люди не вернулись. Сразу после войны жители стали просачиваться в родные места, их отлавливали и расстреливали или высылали. Даже тем, кто убежал в соседний город, вернуться не разрешили. Поля и сады объявляли военным районом, не разрешали обрабатывать, а потом конфисковывали как необработываемые.

Мы вылезаем на крышу красивого старинного дома. Отсюда видна вся мертвая деревня. На холмах вокруг уже торчат иерусалимские новостройки. А тут странный кусок вечного 48-го года.

– Я слышал, что палестинцы ушли сами, надеясь вернуться, когда арабские армии скинут евреев в море.

– Да, израильяне шестьдесят лет талдычат эту бессмысленную мантру. Убежали они, как все беженцы, от войны, жизнь спасали. Какая разница, на что они там надеялись? Евреи же не спросили их, когда основали тут свое государство. Это что, основание отнять у них дом? Сионисты считали Палестину пустой – то, что тут жили полтора миллиона человек, их не смущало. Когда палестинцы убежали, они очень обрадовались: это им и было надо. Главный израильский аргумент: война с арабами вечна, неизбежна, они нас мечтают сбросить в море, генетически ненавидят... На самом деле эта риторика нужна, чтобы не говорить о грабеже, не отдавать захваченное.

– Да, но зачем арабы держатся именно за эти места? Израиль маленький, а арабский мир большой.

– Евреям, да и вообще горожанам, непонятно, что тут такого. Еврей думает: «Что бы я сделал на их месте? Ну, прогнали. Займусь чем-нибудь другим, пошлю детей в университет, открою магазин, сменю специальность». Что чувствует человек, прикипевший к земле, ему трудно понять. А здесь у людей вся жизнь связана с местом: я принадлежу к моей семье, к моей деревне. В другую деревню переехать – как семью сменить: абсурд. Он и воевать за Палестину не будет, только за свое село. Для людей это была катастрофа, уже три поколения прошло, а они все себя беженцами ощущают. Да и куда они поедут? Никто их не ждет. Люди сидят в секторе Газа, как в тюрьме, как сельди в бочке, без работы, без еды, и даже посмотреть на свои дома не могут – вот вам и терроризм. Ладно, поехали, на живых людей посмотрим – они сами все расскажут.

Нагорье

Снова петляем по автострадам, плотно покрывающим Израиль. Он такой маленький, а народу так много, что постоянно испытываешь клаустрофобию. Куда ни поедешь – через два часа будет граница на замке, за которой враги. Городки становятся все тоскливее: безобразные бетонные коробки, никакой связи с пейзажем.

– Если муравей начнет строить, он построит муравейник. Если еврей начнет строить, он построит гетто.

– Похоже на брежневскую архитектуру.

– Конструктивизм тут популярен, как в СССР, люди подсознательно стремятся искоренить следы реального прошлого. Оно мешает официальной идеологии. По-своему Израиль – страна еще более наивная, чем Союз. Я сюда все-таки приехал из 60-х, хоть и советских. Приезжаю – такой молодой, либеральный, а тут искренне восхищаются выправкой солдат или маршем, поют патриотические песни типа «Широка страна моя родная». Будто на машине времени куда-то уехал. Конечно, потом тут происходили какие-то подвижки, но, с другой стороны, мир вокруг пятится назад. Дремучий израильский подход стал господствующей парадигмой на Западе. Раньше меня здесь ужасно тошнило от всех этих проверок – в магазине, в автобусе. А теперь они по всему миру, в Америке меня заставили штаны снять при посадке в автобус. Здесь создали эту идею терроризма, сам терроризм, идею борьбы с

ним. Все это такой бред, что слов нет. Борьба с автоматами Калашникова. Терроризм – это же просто орудие...

На задворках очередного городка мы плуаем вдоль бесконечного забора с колючей проволокой – это один из бесчисленных заборов, отгораживающих арабов от евреев.

Наконец посреди какой-то свалки находим ворота, за которыми израильский КПП.

– Это непопулярный выезд, только свои ездят, здесь не очень шмонают. Я тут собаку съел, – улыбается Шамир. – Я же сюда экскурсии вожу, на жизнь зарабатываю.

Молоденький суровый солдат притормаживает машину, глядит на водителя – и пропускает. Шоссе ведет в еврейское поселение на территориях. Мы проезжаем метров сто и резко сворачиваем на ведущий в горы проселок. На бетонной плите краской от руки написано: «Израильтянам въезд запрещен».

– Это арабы написали?

– Да нет, наши, конечно. Евреям запрещено ездить в Палестину. Официально – потому, что несколько человек тут убили. А на самом деле – чтобы люди не общались. Нормальный израильтянин в жизни сюда не поедет.

Проселок круто лезет в гору – закладывает уши, и распаивается удивительный вид. Под нами весь Израиль, до утонувшего в дымке моря. Легче дышать, прохладно, и нет клаустрофобии. Мы скользим по сухим палевым холмам, усеянными черными камнями и сизыми деревьями олив. Вот она, Иудея, древнее палестинское нагорье.

Въезжаем в деревню. Подсознательно я ожидаю увидеть разруху и злобную дикость – а вижу обычную сельскую жизнь: женщина в ярком платке ведет ребенка, старики сидят в чайной. Удивительно, что тесная современность совсем рядом, всего в каких-нибудь трех километрах – из деревни отлично видны бетонные израильские городки внизу. На одной из развилок на стене вижу граффити: улыбающиеся Ясир Арафат и Саддам Хусейн с винтовками – это единственный признак сопротивления. Несколько раз мы останавливаемся, Шамир по-арабски спрашивает дорогу. Нам отвечают с дружелюбным любопытством.

– Да, конечно, очень симпатичный народ, крестьянский. Очень мирный на самом деле. Это вам не чеченцы, те правда умеют воевать. А палестинцы не умеют, не воевали сотни лет – порядок был в Османской империи. Поэтому, когда приехали евреи, они оказались совершенно неспособны дать отпор. Только последние лет тридцать чуть-чуть научились за себя стоять, структуры какие-то появились. Стойкие они – это да. На самом деле единственное, чего они добились, – что в мире о них говорят. Вот я сейчас был в Кашмире, там выгнали несколько сот тысяч индуистов, но никто об этом и не говорит, и не думает...

Настя

Въезжаем в красивое, добротное село Батир. Дома новые, и все равно чувствуется, что это старый мир.

– Да, Батир очень древнее село, когда-то здесь римские legionеры осадили повстанцев Бар-Кохбы – был у нас тут такой местный Басаев. На самом деле это тоже пригород Иерусалима, здесь до конечной остановки минут сорок ходьбы. Но волею судьбы получилось, что это уже – территории.

В центре деревни мы останавливаемся у большого арабского дома. В воротах нас встречает маленькая беленькая русская девушка.

– Вот Настя вам все расскажет, она местный житель, замужем тут. Только, пожалуйста, не называйте меня здесь Исраэлем, люди могут напрячься. Зовите Адамом, меня так крестили.

Настя ведет нас во внутренний дворик. Вокруг расстеленной на полу длинной скатерти сидят молодые женщины в платках, бегают дети, улыбающийся мужик с четками встает,

чтобы обняться с гостями. Настя берет у одной из девушек своего восьмимесячного сына и ведет нас наверх.

– Тут четыре этажа: когда следующий сын женится, новый достраивают.

У Насти свой этаж с широкими панорамными окнами, из которых открывается вид на горы. Далеко внизу скользит нитка поезда.

– Это дорога Тель-Авив – Иерусалим. При англичанах здесь даже станция была, – объясняет Шамир.

– А где ваш муж?

– В тюрьме сидит, вам Адам не сказал разве? Уже четвертый раз.

– За что?

– Меня повидать хотел. Я в основном в Иерусалиме живу, я же медсестрой работаю в детской больнице. Ну, он приходит ко мне, а полиция его ловит. Палестинцам ведь нельзя в Израиль, но Джелал город хорошо знает – пробирается. В марте суд будет, год могут дать.

– Но вы ведь женаты?..

– Да, местный кади нас поженил, но Израиль этого не признает. Если бы я была мусульманкой – пожалуйста. А еврейка выйти замуж за мусульманина не может. Говорят: примите ислам. А шариат-то этого не требует: нас поженили, хоть я православная.

– Даже если бы она перешла в ислам, – говорит Шамир, – ничего бы не вышло. Закон о воссоединении семей на палестинцев не распространяется. Если палестинские и израильские арабы женятся, им не разрешается вместе жить. Этот закон был осужден ООН как расистский, но это никого не волнует. Вот я сам когда-то боролся за право советских евреев выехать в Израиль – для воссоединения с троюродной теткой. Тогда евреи всего мира требовали этого от СССР. А палестинец не то что воссоединиться – даже навестить детей в Израиле не может...

– Как же вас угораздило выйти замуж за палестинца?

– Да обычно: познакомились, влюбились. Он в Иерусалиме жил, раньше-то можно было. А предрассудков у меня никогда не было: я в больнице работаю, там арабов много – и врачей, и сестер, и детей.

– А как вас семья приняла?

– Хорошо, они очень простые люди, деревенские. У меня папа из-под Архангельска, помор – так они мне очень ту мою родню напоминают. Они меня любят, хотя я для них инопланетянка. Им неважно, кто я, Джелал женился – и хорошо. Отец Джелала меня каждый раз встречать и провожать ездит. И детей наших они очень любят. Они сейчас здесь живут, я же работаю все время.

– А Джелал что делает, когда не сидит?

– Он и столяр, и строитель, и грузовик водит, ну и крестьяне они все. И отец у него, и братья – все грамотные ребята, рукастые, что хочешь починят. Раньше в Иерусалиме работали и теперь пробираются, но ведь каждый день посадить могут.

– Они не думают, что из-за вас у них проблемы, сын в тюрьме сидит?

– Они-то не думают, да я сама переживаю. Жена-еврейка, судьба-злодейка.

Мы спускаемся вниз, Настин свекор нежно берет на руки маленького Адама, провожает нас до машины. Естественные человеческие отношения странно смотрятся в мире, поделенном на своих и врагов. Мы едем к местному источнику, который Шамир хочет нам продемонстрировать.

– Да, милые люди, – говорю я Насте в машине.

– Они вообще-то не совсем обычная семья. У них и свободы больше, и имена они странные дают – Аид, Инд, Лара, Яра. Не арабские, сами выдумывают. И еще они мяса не едят, даже на Курбан-байрам барана не режут. Женщины иногда едят, а мужчины – никогда. Сколько раз их спрашивала почему – только улыбаются.

– Может, они не мусульмане?

– Да нет, мусульмане. Это вообще уважаемая семья, дед Джелала старостой был.

– Вообще-то, если по-человечески посмотреть, – говорит Шамир, – Настя сделала прекрасный выбор: хороший парень, добрая семья, работающие люди, дом за городом. Если бы не «пятый пункт». Вот поэтому я и выступаю за создание единого государства, чтобы все были гражданами – и евреи, и палестинцы.

– Но тогда Израиль перестанет быть еврейским государством...

– Ну и что страшного? Не будет Израиль еврейским государством, а будет нормальным, обычным – и хорошо. Перестанет с соседями воевать наконец. Идея национального государства – это же старье, из XIX века, нигде почти уже нет такого.

– Но палестинцы, кажется, хотят свое государство?

– Да палестинцы требуют его от отчаяния, им не независимость нужна, а возможность жить на своей земле нормально. Да и нет ведь никакого палестинского государства, это все анекдот, словесность. Израиль не дает Палестине независимости, де-факто это все равно одна страна.

Святые места

Источник оказывается невзрачным ручейком, бегущим из каменного домика.

– Они тут им очень гордятся, ухаживают. Деревня состоит из семи семей, человек по пятьсот, – поливают по очереди, один день в неделю. Здесь у них баклажаны знаменитые...

Источник большого впечатления не производит, но Шамир весь расплывается в улыбке, демонстрирует его с гордостью, словно мы наконец увидели что-то поистине замечательное. В его «Сосне и оливе», лучшем путеводителе по Палестине, чуть не половина книги посвящена подробному описанию источников, как будто это какие-то чудеса света.

– Да это и правда чудо. Во-первых, их мало осталось, потому что израильтяне воду всю выкачали. Но вообще вам это трудно понять. В Европе каждая речка больше, чем тут все вместе взятые; вырыл ямку – вода. А у нас вся история, вера – все связано с источниками. К ним нельзя просто так вот подъехать на машине. Нужно долго брести, чтобы глаз утомился от всех этих гор, однообразия, солнца, прожариться надо как следует – тогда обрадуешься роднику, тени от оливы, смоковнице. Эстетика Палестины, как в Японии, – скупая земля, горы, изредка маленький источник в тени. Лаконичная природа, ничего рубенсовского, жиромясого не найдете. Дорога до источника, подготовка – важнее, чем сам источник.

– Говорят, вы объехали Палестину на ослике?

– Да, поехал в Хеврон, на базар, купил серую ослицу Линду и делал вылазки по окрестным селам. Осел – гениальное животное, для лошадей тропинки тут слишком крутые. Ездил от источника к источнику, поил Линду, пил сам – везде разный вкус. Потом заезжал в села, толковал с людьми о погоде да урожае. Если человек на осле – сразу видно, что не бандит. С детьми тоже хорошо путешествовать. Посторонние тут в диковинку – обязательно позовут на чашку кофе, расскажут что-нибудь. Я расспрашивал про историю, про святые места. Сейчас поедem в Ясуф, покажу вам вали, святое место.

До Ясуфа четыре часа езды, но мы добираемся вечность: десяток блокпостов, на каждом проверка документов. Наконец в полумиле от деревни утыкаемся в насыпь, дальше ехать нельзя, только пешком.

– Официально – для обеспечения безопасности дорог, по которым ездят еврейские поселенцы, чтобы палестинцы по ним не ездили. А вообще-то просто жизнь портят. По обе стороны дороги – горелые, вырванные с корнем оливы.

– Поселенцы вырубают рощи. Два года назад мы с друзьями-палестинцами собирали здесь оливки – на нас напали поселенцы с автоматами под прикрытием машины солдат.

Пугали нас, орали, закидывали камнями, а солдаты наблюдали. Пришлось уйти, они много народу так перестреляли. Они стараются не пускать крестьян на поля: если пять лет не обрабатываешь, земля переходит государству, а оно отдает ее поселенцам. Теперь здесь у людей и работы нет, и землю почти всю отобрали. На краю села крутой холм. Он расчесан лесенкой террас – тысячелетиями крестьянских усилий. Навстречу попадает молодая парень с хворостиной и ишаком, он поет. Весело с нами здороваются и бежит дальше вниз по склону.

– Когда стал ездить, я постепенно понял, что их жизнь притерта к этой земле. Жить по-другому здесь и нельзя, и не надо. Палестинцы разводят овец. Овцы животные благородные, их же нельзя загнать в клетки и кормить с конвейера – подохнут, надо в горах пасти. Палестинцы растят оливы – тоже много ручного труда, машиной не обработаешь. И люди заняты, живут себе, как библейские патриархи. С точки зрения капитализма это очень нерентабельно. Слава Богу, что им не дают кредитов, а то бы, наверное, тоже занялись курами и говядиной, построили бы промышленные фермы, где скотину пытаются, машины бы поставили, поувольняли всех. Это ключевой израильский миф: Палестина лежала бездыханно, а мы пришли и воскресили. А палестинцы-то считают, что она и раньше была в полном порядке.

На плоской вершине гранатовая рощица, в ней маленькое квадратное здание с белым куполом. Это вали, святое место. Внутри домика пусто, в каменной нише лежат свечки.

– Старое оно?

– Лет пятьсот, но камни тут старые, тесаны четыре тысячи лет назад примерно. Местные жители считают, что это гробница святого, шейха Абу Зарада. Но они и сами не очень знают, кто такой был Абу Зарад. Потому что это неважно. Когда-то тут почитали Ваала и Астарту, потом они стали маскироваться под библейских патриархов, потом под христианских святых, теперь под мусульманских. Имена на гробнице меняются, но к ним не стоит серьезно относиться, не от могил же святость. Она изначальна, с древности. Объяснения меняются, но на самом деле источник святости – рельеф, место, где люди чувствуют близость к Господу.

Люди в этих деревнях живут тысячи лет и ходят на эту гору, молятся. Женщины просят суженого, чтобы муж любил, чтобы роды были легкие, дети здоровые. Мужчины – урожай. В общем – благодати. Официальные религии сменяют друг друга, а люди те же. Мне вот такие вали больше нравятся, чем всякие известные гробницы. Там ведь можно только отметить, а чтобы понять духовный поиск пророков, нужно поставить себя на их место – оказаться вот тут, на такой безымянной высоте. Просто тут, как бы это сказать, хороший прием у души.

Но скоро здесь, кстати, вышку для мобильных поставят. Уединению шейха придет конец, как и всей пасторальной Палестине.

Евреи и арабы

– Вы первым высказали крамольную мысль, что палестинцы – потомки древних евреев?

– Да нет, конечно, не я первый. Доизраильские историки Палестины тоже это отлично знали. И сейчас на Западе это всем очевидно. Это чисто израильский миф: евреев прогнали римляне, а арабы-кочевники «завелись» здесь в седьмом веке. Но и здесь серьезные ученые все понимают: большинство населения никуда не уезжало. Есть же раскопки, они ясно свидетельствуют, что село не разрушалось три тысячи лет. Езжайте в Абуд, Эль-Джиб, посмотрите на древние дома, церкви – вы увидите, что жители не свалились с Луны. Люди мигрируют очень мало, мигрируют идеи, языки.

Вскоре после Христа большинство евреев стали христианами – это ведь не воспринималось как переход в какую-то другую религию. «Чистый» иудаизм сохранился только в

среде ученых, священников, по большей части в диаспоре. В этих общинах, как и у христиан, было большое религиозное творчество, возникли Мишна и Талмуд, традиция углубленного изучения закона, гностической премудрости. С другой стороны, они отменили многие вещи – пасхальную жертву, храмовые обряды, священство, кстати, как и русские староверы. Так родился современный иудаизм. Наши грамотные прадеды в местечках так и считали. Для них иудейская вера начиналась не с Моисея, а именно с мудрецов, с Мишны и Талмуда. Библия для них тоже была Ветхим Заветом, предысторией, материалом для толкований. Библейские персонажи вспоминались лишь постольку, поскольку о них говорил рабби Ханина или рабби Асси.

Короче, современный иудаизм – такое же продолжение библейской религии, как христианство. Никаких специальных прав на эту традицию у него нет. Названия обманчивы. Православие даже ближе к библейскому иудаизму, чем современный иудаизм. Православная церковь устроена, как Иерусалимский храм, там есть святая святых, куда входит только священник, да и по литургии тоже... Палестинские христиане-арабы – точно такие же наследники древних евреев, как и израильтяне, даже прямее, потому что никуда не уезжали.

– Но сейчас тут большинство мусульмане.

– Да ведь и ислам не был чем-то чужим. Почему после арабского завоевания большинство так легко приняло ислам? Это хорошо описал Тойнби: Ближний Восток был периферией греко-римского мира. Арабы вернули Палестину в семитскую стихию после столетий эллинизации. Ислам воспринимался как возврат к древней семитской религии, халифат – как преемник царства Соломона. Арабский родственен арамейскому, поэтому легко прошла арабизация.

В истории Святой Земли людям часто приходилось выбирать: земля или вера. Священники обычно выбирали веру, крестьяне – землю. Но они продолжали почитать тех же святых, от Адама до Иисуса, молились на тех же гробницах, возделывали те же оливы, ухаживали за родниками.

Евреи и палестинцы – две ветви одного народа, братья. А мы воюем, «своя своих не познаша». Если есть какой-то смысл в возвращении – так это как раз слияние в один народ, чтобы вылечить нашу шизофрению...

– Вы перевели на русский Агнона, главного идеолога исхода в Святую Землю. Он все время писал, как Палестина и евреи подходят друг другу...

– Для Агнона возвращение на Святую Землю было духовным процессом, постижением себя. Знаете рабби Нахмана из Браслава? Был такой хасидский святой, он долго собирался в Палестину, все продал, приплыл, пробыл одни сутки – и поплыл обратно. Ему хватило. Поэтому религиозные евреи и не любили сионистов. Потому что произошла подмена. Мой прапрадед приехал сюда и жил спокойно, никто его не обижал, с палестинцами он не ссорился. А сионисты любят эту землю, но любовью некрофилов. Они готовы убить ее, лишь бы обладать ею. На мой взгляд, смысл исхода, возвращения на Святую Землю – это возвращение к корням, гармонизация. Агнон-то воспевал настоящую Палестину, с пастухами и баранами.

– Вы еще перевели джойсовского «Улисса» и сделали новый русский перевод «Одиссеи». Чем вас Жуковский не устраивал?

– Да Василий Андреевич прекрасен, но все переводы, в отличие от оригиналов, устаревают. Мы же не можем читать Гомера так же, как двести лет назад. Было другое сознание совсем – вы вспомните хотя бы, что они тогда носили. А тем более мы не можем читать его так же после Джойса. Я переводил Гомера, опираясь на английский перевод Лоуренса Аравийского. У него совершенно другое видение «Одиссеи» – непосредственное, brutальное. Лоуренс был археологом, раскапывал города той эпохи, держал в руках их оружие, утварь, изучал дома, наносил на карту их города. Но, с другой стороны, он был авантюристом и

воином – жил среди бедуинов, походной жизнью, охотился на вепря, ходил под парусом, гнул луки, ткал ткань, строил лодки, убивал людей в бою. Жизнь Одиссея была ему гораздо понятнее, он перевел ее на наш язык – без гекзаметра и постоянных эпитетов...

Газа

Мы спускаемся в Израиль, подъезжаем к блокпосту.

– Если что – мы ездили в еврейское поселение, а то пять тысяч долларов штрафа.

– Почему снова началась война?

– Ну, Израиль торопился выпить свой стакан крови до закрытия заведения – пока Обама не пришел. Кто знает, когда в следующий раз придется. Но ничего особенного в этой войне нет: Израиль бомбит Газу уже не знаю сколько лет. Это уникальный эксперимент: до чего можно довести мирный крестьянский народ, если его посадить в концлагерь и десятилетиями мучить. Знаете, что такое Газа? Это ГУЛАГ. Плотность населения там в десять раз больше, чем в Израиле, полтора миллиона человек на крохотном пятячке. Воевать с ними – одно удовольствие: летаешь над лагерем да бомбишь.

– Но там террористы?

– Ну да, когда ХАМАС своими самодельными шутихами обстреливает Ашкелон и убивает четырех человек – это терроризм. А когда Израиль бомбит Газу и убивает тысячу, в том числе четыреста детей, – это борьба с терроризмом. Первым делом разбомбили школу местных гаишников, у которых был выпускной, сразу убили полтораста человек, объявили боевиками...

– ХАМАС обстреливал мирные города, сам нарушил перемирие.

– Да и Израиль точно так же нарушал, тоннель там разбомбил. Его все время нарушают, не в этом дело. Вы спросите лучше, почему они стреляют? Чего хотят-то? Евреев в море сбросить? Хотят, чтобы блокаду сняли. «Перестаньте душить – не будем стрелять», – сто раз это заявляли. Но блокаду держали, чтобы свергнуть ХАМАС, – считали, что палестинцы поголодают-поголодают и одумаются. Такое вот идиотское предположение. Конечно, популярность ХАМАС только выросла.

– Но если снять блокаду, ХАМАС закупит оружие.

– А почему вас не пугает, что Израиль закупает оружие? ХАМАС – законное правительство Палестины, больше вам скажу: единственное демократически избранное правительство в арабском мире.

– ХАМАС хочет уничтожить Израиль.

– А Израиль хочет уничтожить ХАМАС. Это вас смущает? Над Израилем – что, нависла угроза уничтожения? Знаете, все эти разговоры сводятся к тому, что евреи правы потому, что они евреи, а арабы неправы потому, что они арабы. Даже если их убито в сто раз больше. Жизнь еврея и палестинца равнять нельзя. Понимаете, в основе еврейского сознания лежит глубокое сомнение в равенстве еврея и не-еврея. Хороший еврей хорошо относится к животным и гоям – но есть же граница. Крестьянин любит барашка, но к празднику зарежет. Вас же не мучит совесть, если вы кошку с дивана согнали. Вот и евреи спокойно относятся: понадобилось место – палестинцам пришлось уйти, что поделаешь.

Вообще причина в том, что евреи воспринимают себя как жертву. Это основа национального самосознания. И оказавшись с новыми соседями, они тут же воспроизвели привычные отношения – только в роли мучителей. Такая месть не по адресу. А жертве все можно, что ни сделаешь – все защита. Но, знаете, можно ведь победить это в себе, отказаться от мелкого племенного эгоизма. Я это называю: «убить в себе еврея». Мне кажется, каждый должен это сделать.

Я знаю, что израильские левые не очень любят Шамира. Он хулиган, трикстер, провокатор, пишет в газету «Завтра». Он обожает ломать стереотипы, выворачивать наизнанку, смотреть на вещи с других ракурсов. Ему скучно стоять на месте. Недаром он перевел Лоуренса Аравийского – Шамир и сам авантюрист и гедонист, ему интересно жить, воевать, путешествовать, заниматься политикой. Он похож на еврея-революционера 20-х годов – из тех, что делали революции из интереса.

Власти Израиля его очень не любят. Через день после нашей прогулки фотокор «РР» Юрий Козырев обратился в правительственное бюро по связям с прессой за аккредитацией в сектор Газа. Директор бюро Дани Симан ответил, что, по их сведениям, Козырев встречался с «врагом народа Исраэлем Шамиром» и никаких аккредитаций в Израиле никогда больше не получит. В Газе мы собирались поговорить с палестинскими правозащитниками, тоже имеющими критический взгляд на свое общество. Но израильские власти оставили Шамира без оппонентов.

Шура Буртин (Русский Репортер)

Война духа¹

Апокалипсис – сейчас

I

По зеленым лужайкам Гайд-парка бродит старый бродяга с потрепанной картонкой, на которой написано «Конец света близок». Он бродит уже много лет, если это тот же бродяга, который попался мне на глаза тридцать лет назад. Но и остановившиеся часы рано или поздно покажут правильное время. Неужели этот зловещий момент наступил?

Волшебная пентаграмма Пентагона сломана, и Вавилонская Башня Близнецов рухнула одиннадцатого сентября 2001 года. Евреи правят в Святой земле. Доллар высок, но творческий потенциал христианского мира достиг своей самой низшей точки; в магазинах – столпотворение, но церкви – пусты; кругом полно дилеров и брокеров, но нет новых художников, поэтов и святых. Наводнения и ураганы, летом снег, зимой – жара, отравленные реки и пересохшие озера напоминают нам, что наша Мать-Земля тяжело больна. Апокалипсис – сейчас, и многие люди остро чувствуют это в последние годы.

Джастин Раймондо написал о статье в «Еженедельных Мировых Новостях», («этой аляповатой бульварной газете, в чтении которой никто не признается даже у кассы супермаркета»), с ее странно-пророческим сообщением: «Лик Сатаны сфотографирован над американским Капитолием!» Была даже приложена картинка, излучавшая откровенное зло: тонкое, издевательское лицо глядело из плывущего черного облака, горящие безумные глаза, и рот, искривленный в сатанинской глумливой усмешке. «ЕМ Новости» цитируют «одного неназванного бывшего оперативника ЦРУ»:

«Тут изображено олицетворение ужаса, ничего подобного мы никогда не видели в этой стране. Имеем ли мы дело со сверхъестественным явлением? Является ли «это» иной формой жизни? Либо, что за черт, я спрашиваю – это был Дьявол собственной персоной?»

Подобное чувство, некогда разделяемое только очень чувствительными индивидуумами с развитым воображением, либо преданными читателями «Еженедельных Мировых Новостей», сегодня растекается по всей шахматной доске социума. В Москве и Нью-Йорке, Иерусалиме и Багдаде, Париже и Берлине, нерелигиозные и практичные люди обращаются друг к другу с вопросом: «Неужели это конец света?»

«Да, он самый», ответил на этот вопрос известный американский философ, Иммануэль Валлерштейн, но добавил осторожную оговорку в заглавие своей книги с весьма точным названием: «Конец (известного нам) Света». Он пришел к выводу, что продолжительный период человеческой истории подошел к своему непредсказуемому финалу. Мир, каким мы, наши родители, наши дедушки и бабушки его знали, и в самом деле приходит к концу.

Он полагает, что «известный нам мир» сложился примерно 500 лет назад в Западной Европе и достиг своего апогея в Соединенных Штатах Америки. Он характеризовался специфическим феноменом развития человечества, называемым «капитализмом» или «рыночной экономикой». Валлерштейн смело отклонил аксиому «неизбежного прогресса», и заявил, что подобный феномен не был неизбежным или полезным, но случайным и отрицательным процессом, абберацией в истории человечества. Практически все общества содер-

¹ При участии Юрия Козырева

жали и содержат капиталистические элементы, но обычно они остаются маргинальными. Здоровое общество умеет их ограничить и сдерживать. Как только капиталистические элементы успешно пытались прорваться от периферии к центру, их сдерживали путем экспроприации или погромов. Ведь капитализм – это болезнь, и ее надо уметь остановить, пока она не уничтожила организм общества.

Неизбежность экспроприации заложена в самой сути капитализма. Предположим, что Иуда Искарот не выбросил свои тридцать сребреников, но отдал под процент в банк. К нашему времени его вклад стоил бы больше, чем вся земля, если бы она была сделана из чистого золота. Этого не может быть, потому что время от времени происходят экспроприации.

Валлерштейн сравнил этот механизм с иммунной системой организма. Расцвет капитализма в Западной Европе был аномалией, внезапным коллапсом иммунной системы европейского общества. Вирус капитализма прорвался, и Европа стала на путь политического и военного успеха.

Чтобы понять характер европейского преуспевания, возьмем для примера осажденный город. Пока голодные и слабые граждане ощущают единство своей судьбы, чувство братства поддерживает их. Но когда побеждает индивидуализм, когда клич «каждый – за себя!» открыто звучит на улицах, некоторые люди замечают, что с голодом можно справиться, если заняться людоедством. Сильное и спаянное общество ликвидирует людоедов. Но если чувство общности судьбы и братства подведет, людоеды овладеют городом. Их поведение можно будет считать успешной стратегией выживания. Люди последуют их примеру, потому что люди обычно следуют успешной модели поведения.

Так западная пропаганда призывает не-западные народы (в том числе Россию) избрать парадигму индивидуализма, чтобы следовать западной модели. Но эта тенденция губительна, она разрушает общество и природу, и может привести нас на край пропасти. Вероятно, мы уже давно оказались бы под Железной Пятой олигархии, как Джек Лондон почувствовал еще в 1910 году, если бы Русская Революция 1917-го не потрясла мир и не предложила альтернативу, пишет Валлерштейн.

Благодаря русской революции народы Западной Европы и Северной Америки получили возможность сформировать свое общество благосостояния, в котором средний класс был заметен, и рабочие жили довольно сносно, а страны Третьего мира получили отсрочку от карательных рейдов и колониальных захватов. Накануне 1917-го Англия, не смущаясь, обстреляла японский город Шимоносеки, мстя за убийство британского дипломата. Накануне 1917-го голландцы убивали индонезийцев тысячами и десятками тысяч, чтобы обеспечить свое владычество. Накануне 1917-го социальные контрасты и противоречия в европейском обществе были столь же огромны, как в странах современного Третьего мира. С крушением социалистической системы в 1991 году, эта длительная «передышка истории» закончилась. Мы вернулись назад, в 1917 год, считает Валлерштейн, и оккупация Ирака американцами – прямое продолжение дореволюционной политики англо-американцев.

Значит ли это, что элиты, потерпевшие поражение в 1917 году, смогли вернуть себе утраченные позиции? Нет. Старые элиты ушли со сцены, князья и графы остались в романах великосветской жизни и в фильмах Никиты Михалкова. Их место заняла новая общественная и духовная сила. В своих статьях я называю их «мамонцами», почитателями Мамоны, или неоиудеями, поскольку эта многонациональная группа имитирует некоторые еврейские тенденции. Мамонцы сражались со старыми элитами на всей поверхности планеты, время от времени заключая союз с левыми силами. Они использовали русскую революцию, чтобы изгнать или истребить старые русские элиты. В Англии и в Скандинавии старая элита потеряла власть с появлением социальной демократии. Немецкая элита была частично уничтожена, частично «перевоспитана» Гитлером, а в Италии местная элита была раздавлена в ходе

Второй мировой войны. Пока штурвал власти находился в руках старой элиты, мамонцы проповедовали идею равенства и передачи власти и ресурсов от старой элиты в руки простых людей.

Это было время больших надежд. Богатство и организационные структуры мамонцев помогали подлинным сторонникам равенства, и лишь немногие задумывались над тем, каковы истинные планы их могущественных союзников. Пока банкиры, адвокаты и владельцы СМИ поддерживали гуманистическую повестку дня, гуманисты игнорировали их более глубокие замыслы. Это было ошибкой, потому что тем временем они овладели дискурсом и стали его хозяевами.

Чтобы уяснить этот концепт, вспомним старый фильм Вуди Аллена *What's Up, Tiger Lily?* Американский режиссер взял японский фильм второго сорта, слегка перемонтировал и записал новую звуковую дорожку. В результате получился новый фильм с новым объяснением событий, новый нарратив. Нечто подобное делает и Гоблин, знаменитый русский дублер: так, он превратил «Ночной Дозор» в «Ночной Позор», а «Братство Кольца» в «Братву» переозвучиванием. «Сады Скорпиона», замечательный ленинградский фильм, целиком построен на изменении нарратива старых советских фильмов. Как и фильм, наш мир можно интерпретировать по-разному. Когда вы смотрите хороший фильм, скажем, *L'Année dernière à Marienbad*, без звука или на непонятном вам французском, вы не уверены в том, что вы видите. Наш мир более сложен, чем фильм Алена Рене, и только дискурс помогает нам понять весь спектр событий. В свободном дискурсе высказываются различные мнения о содержании «фильма», и «зритель» склонен выбрать усредненную позицию. В режиссированном дискурсе Хозяева исключают неприятные для них опции, и «зрителя» ведут к позиции, «усредненной в рамках предложенного дискурса», что и требовалось.

Например, Генри Киссинджер, руководя американской внешней политикой, разорил Камбоджу. На эту маленькую страну в Юго-Восточной Азии обрушилось больше бомб и мин, чем на Германию во Вторую мировую войну. Уцелевшие беженцы бросились в оккупированную американцами столицу – единственное место, которое они не бомбили. Население столицы выросло до невозможных размеров. В это время партизаны под водительством Пол Пота разбили американцев и взяли власть над руинами Камбоджи. В безвыходной ситуации они пошли единственно возможным путем и послали беженцев обратно в свои села, превращенные американцами в минные поля. Хозяева Дискурса пересказали эту грустную историю, опуская коверные бомбежки Киссинджера и подчеркивая жертвы вынужденного возврата к нормальному положению вещей. Теперь все знают о массовых убийствах в Камбодже, но никто не помнит американские бомбежки. Мы «знаем» о «преступлениях коммунистов» и забываем о преступлениях мамонцев. После Второй мировой войны англичане и американцы создали обширную сеть концлагерей, в которых погибли миллионы немцев, коммунистов, малайцев, греков; но Хозяева Дискурса говорили только о сталинском ГУЛАГе. Палестинец, уроженец Яффы, не мог вернуться в родную Яффу – его не пускали евреи, но Хозяева Дискурса озвучили только требования русских евреев уехать в Яффу, где они никогда не были.

Мамонцам удалось создать уникальную всемирную машину дезинформации, захватив СМИ и заняв контрольные позиции в университетах. Их пресса прославляла тех, кого они хотели прославить, и стирала память о тех, кто им не был нужен. Эта машина дает сбои, но она все же способна генерировать нарратив для миллионов.

Если до 1968 года мамонская машина разламывала старые устои, требовала больше свободы, после 1968 года мамонская задача была выполнена, и началось закручивание гаек. Вместо свободной любви пошли страшилки о СПИДе, и бесшабашных героев прошлого сменили послушные солдаты новых голливудских фильмов. В 1968 году мамонцы изменили революции, – они достигли своей цели и смогли встроиться в старую элиту. Они оставили

красивые слова о равенстве и о гражданских правах, и приняли новую доктрину порабощения человека человеком. Подобным образом буржуазия использовала напор и гнев народных масс – низших классов – во время Французской революции 1789 года. Рабочие и крестьяне расправились со старой аристократической элитой, и тогда новая буржуазная элита оттолкнула народ от руля, дав ему коленкой под зад, и пришла к власти с помощью военного гения Наполеона.

После 1968 неустанная История начала свой новый виток. Мамонцам больше не нужна демократия и государство всеобщего благоденствия. Теперь для укрепления своего правления они нуждаются в новом Наполеоне. Именно поэтому после 9/11 силы олигархии зачеркивают Хартию о Правах Человека, демократические свободы, хартию ООН и международные соглашения, и создают новый мир, в котором останется несколько миллиардеров, урезанный до минимума средний класс, обнищавшие рабочие, и мощные армейские и полицейские силы. Они надеются выйти непобедимыми из переходного периода хаоса и суматохи. Но одновременно этот темный час – время нашей надежды.

Завтрашний день скрыт от наших глаз не случайно. Мы дошли до поворотного пункта истории, говорит Валлерштейн, это исторический перекресток, один из тех, что возникают раз в тысячелетие. Подобная развилка – эпоха нестабильности по определению. Это – время, когда даже небольшие усилия индивидуума способны изменить ход вещей. В периоды стабильности даже колоссальные усилия мало что меняют. На протяжении нескольких столетий люди верили в предопределенный и неизбежный исход исторического пути: будь то марксистская мечта, государство всеобщего благоденствия, или Второе Пришествие. На сей раз этой уверенности пришел конец. Мы можем рухнуть в пропасть нового Темного Времени, нового средневековья, в страшную антиутопию, и наши дети никогда не простят нам нашего бездействия. Но мы можем сопротивляться, надеясь на лучшее.

Карл Маркс однажды описал человеческую историю как историю классовой борьбы за собственность на средства производства. Неодарвинисты видят историю, как состязание групп и народов за ресурсы, или как Столкновение Цивилизаций. Но я вижу в истории войну идей. Бомбежка Соединенными Штатами телестанции «Аль-Джазира», вскоре после американской бомбежки сербского телевидения напомнила нам об исключительной важности живого слова. Действительно, владельцы газет, телевидения, университетов и кинематографа, короче, Хозяева Дискурса, стали самой мощной силой наших дней. Они, а не производители стали и нефти, определяют нашу судьбу. Главная битва наших дней – это война за дискурс, его надо освободить и возвратить народу.

Сегодня этот вопрос обсуждают во всем мире. От Японии до Калифорнии, от Малайзии до Франции люди пытаются выработать новые стратегии для борьбы с ненавистными Хозяевами. Все чаще они обращаются к религии, как к проверенному оружию защиты. Они интуитивно чувствуют огромный потенциал братских чувств, заложенный в вере. В осажденном Граде Божьем не было людоедов, потому что люди, объединенные единым причастием, не поддались бы им. Это чувство находит подтверждение и в реакциях наших врагов, которые ненавидят «фундаментализм», будь то православный, католический или исламский, пуще всего. Главная мамонская держава планеты назвала «фундаменталистами» своих противников по войне с террором, сразу после разрушения коммунистической утопии. Недаром народ Палестины избрал «исламских фундаменталистов» Хамаса, недаром «коммунистические фундаменталисты» Северной Кореи и Кубы – на прицеле врага, и «шиитские фундаменталисты» Ирана готовятся к бою. Пока «светские» силы левых и правых не спешат заключить союз с неожиданными союзниками. Поэтому мы должны заново переоценить место для связи Человек – Бог в нашей борьбе за всемирную свободу.

II

С глубокой древности Человек знал, что самое важное в мире – это его связь с миром духовным. Было много дворцов, но лишь храмы пережили все стирающие пески веков. Когда мы плывем вниз по Ирравади, в суровой полупустыне Верхней Бирмы, мы видим космический флот, приземлившийся на голых холмах в излучине реки. Это множество пагод, как ракеты, глядят на небо. На дальнем берегу Нила храм Дендеры возносит свои колонны, охраняя драгоценный и непрочный облик Нут, богини Ночи. Ее тело плывет, как река в небесах, ее изгиб образует прямой угол. А с другой стороны реки, чуть к югу, две шеренги сфинксов ведут путника к храму Карнака. Египтяне строили свои вечные пирамиды, которым суждено пережить человечество и смерть. Они строили храмы, чтобы напомнить нам: самое главное на свете – это наша связь с Горним миром.

На низких поймах Нерли возле Суздаля свечой стоит стройная церковь. Храм Покрова на Нерли был построен восемьсот лет назад, но от него и по сей день захватывает дух. Забившись в медвежий угол Центрального Массива, Собор Конка весь украшен резными фигурами святых. Совершенный купол Иерусалимской мечети веками сияет на высоком берегу Кедрона, как маяк в море бед, а в нескольких километрах вниз по течению на краю обрыва застыла Великая Лавра Саввы Освященного. Тяжелые столпы окружают древнюю ступу на острове Аюттая, древней столице Сиама. Волны моря омывают Храм Заката Тана Лот на берегу острова Бали, куда крутобедрые балинезки несут на головах свои приношения. Куда бы мы ни пошли, мы повсюду найдем самые прекрасные, самые важные изделия рук наших предков, обращенные Богу – от Собора Нидарос за Полярным кругом, до монастыря Тянгбохе в Гималаях, от черного камня Мекки до Сантьяго-де-Компостелла, от мегалитической мощи Стоунхеджа до гладкой мозаики камней Мачу Пичу, они напоминают нам о нашем предназначении, нашей миссии, нашем вознаграждении.

Предназначение? Да есть ли у нас предназначение, кроме того, чтобы сладко есть и весело проводить время? Да, у человечества есть цель и предназначение. Веками эта цель была – путь к Богу. Между битвами и объятиями наши предки обращались к Богу. Откройте Одиссею или Беовульфа, Данте и Чосера, Толстого и Гёте – и вы найдете эту цель вычеканенной на каждой странице.

Но в наши дни эта цель запрещена и забыта, и вместо нее нам предлагают новую цель – накопление материальных благ. Не ленивый и терпимый гедонизм, но истовая и рьяная жажда наживы стала господствующей парадигмой мира. Но наша цель, наша задача встроена в нас на молекулярном уровне, и она неизгладима – достичь гармонии и единения с Духом и с Землей. Не только как индивиды, стремящиеся к счастью, но и как один коллектив человечества мы желаем достичь цели и выполнить задачу.

Природа, или Бог, или Эволюция обычно дает нам вознаграждение за правильное поведение. Хотя спаривание необходимо для размножения, это еще и очень приятное занятие. Религия, как «правильная штука», тоже несет вознаграждение. Вознаграждение? Если верить Фридриху Энгельсу, религия – это страх перед неизвестными силами природы. Первобытный человек не мог понять, что такое гром, и придумал себе Громовержца. Представление человека о Боге – это зеркальное отображение общества, и Один Бог – лишь небесный близнец Царя-Самодержца. Не вознаграждение, но страх толкает к вере, и чем скорее мы расстанемся со страхом, тем быстрее достигнем справедливого общества. Звучит убедительно. Однако, если мы принимаем позицию Энгельса о Боге, мы можем заодно согласиться и с мыслями Марка Аврелия о любви. Этот римский император и поэт сказал, что любовь – это лишь трение слизистых оболочек, на что Тимур Кибиров ответил резко, но справедливо: «Сам ты слизистый, грубый дурак». Это – точка зрения импотента, скажем мы мягче. Но это

же можно сказать и об Энгельсе. Человек, не способный ощутить бурю физической страсти или апофеоз души, ограничен и заслуживает жалости.

Религия – это путь единения с Божеством. На самой заре человечества люди узнали о высшем блаженстве души. Мы говорим о той несказанной радости, подъеме, счастье, которое мы называем апофеозом души, вхождением в райские кущи, вознесением души, слиянием с Богом, сатори и нирваной, трансом, экстазом, благодатью. У этого чувства много ступеней – от душевного подъема при молитве до восторга причастия и до ликования души при слиянии с Господом. Это чувство хорошо известно людям, и было много раз описано. Оно сродни высшей земной радости, достигаемой в слиянии с женщиной. «Что может быть лучше секса с пятнадцатилетней блондинкой? – спрашивал себя Вуди Аллен, и отвечал: секс с двумя пятнадцатилетними блондинками». Но по сравнению с апофеозом души мечта Аллена не намного лучше заполнения годового отчета о подоходном налоге. ЛСД и наркотики не могут сравниться с благодатью.

Виктор Пелевин описывает беседу трех едоков грибов у костра. «В наркотике-то кайфа нет, это же просто порошок или грибочки. Это как ключ от сейфа». А можно ли открыть этот сейф без наркотиков, спрашивает другой. «Можно, для этого люди уходят в монастыри, и там прутся со страшной силой», отвечает первый. Почему же мы не знаем о вечном кайфе? Потому что «если ты к вечному кайфу прорвешься, тебе не будут нужны ни тачка, ни бензин, ни реклама, ни порнуха, ни новости». Люди не будут тяжело работать или красть, чтобы получить материальные блага, но устремятся к благодати, и на этом окончится прибыль бизнесменов, завершает герой Пелевина.

До недавнего времени этот «секрет» был известен всем. И хотя благодать не каждому дается, обычная воскресная служба может принести немало радости обычному человеку. Человек может надеяться подняться по трудной тропе и снискать благодать. Это знание было несовместимо с рынком, и действительно, рынок занимал лишь скромное место в жизни общества. Общество было объединено круг церкви, храма, мечети, и это было первое самое важное здание, воздвигаемое в новом селе или городе, потому что духовные потребности человека не менее важны, чем потребности материальные.

III

Мы приучены принимать материалистические рассуждения и отклонять объяснения, ссылающиеся на духовные факторы. Так, Валлерштейн совершил героические усилия (не во всем успешные), чтобы описать конец света в материалистических терминах. Но и это желание втиснуться в узкое прокрустово ложе материализма – тоже часть капиталистической аберрации, заставившей человечество отречься от духовной компоненты мира. До аберрации сама идея тотально материалистического мира, объяснимого в соответствии с материалистическими законами, казалась бы странной. Человеческое видение мира менялось в зависимости от времени и места, но никогда не было до такой степени грубо материалистичным. Наш мир не поддается адекватному материалистическому объяснению, так же как он не вписывается в рамки Ньютоновой механики.

Мыслители древности видели мир как духовно-материальный, многослойный континуум, где силы Добра и Зла, Добродетели и Грехи, Идеи и Народы имеют свое собственное полунезависимое существование. Эти силы персонифицировались как боги или ангелы, или демоны. Новый Завет говорит о Князе мира сего и других силах, противостоящих Человеку. Св. Павел ощущал грядущую беду, потому что «наша брань не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы, против злых духов небес»².

² Ефес 6:12

Их видение мира более адекватно реальности. Легче, более логично объяснить беды и спасение, катастрофы и процветание – влиянием высших сил, чем материальными факторами. Легче объяснить долгие десять лет Троянской войны борьбой протроянских богов с прогреческими, чем красотой Елены или торгово-коммерческими интересами. Холодную войну можно рассматривать как борьбу Русского Духа Общины или Православного Русского Христа с откормленным Американским Мамоной. А начавшуюся Третью мировую войну против народов Третьего мира религиозное сознание может назвать «Армагеддоном».

Связь между духом и материей можно объяснить в терминах любви Человека к Богу. Так ее описывает Песнь Песней, так расшифровывает и суфийский шейх ордена Накшбанди, Джамии, в своей поэме «Юсуф и Зюлейка». Маулана Нур ад-Дин Абд эль-Рахман Джамии написал эту аллегорическую поэму в 1483 году в возрасте семидесяти лет. Юсуф, наделенный небесной красотой, олицетворяет Бога, а Зюлейка – душу мистика. Архетипичная поэма о любви на самом деле – это поэма о любви Человека к Богу, и Фрейд все перепутал: небесная любовь – не есть подмена и сублимация любви земной, но земная любовь – упрощение и профанизация любви небесной.

Не только Человек стремится к Богу, Бог тоже стремится к Человеку. В осажденном Наблусе, сидя на толстом зеленом ковре Зеленой мечети, я внимал словам проповедника. «Ты любишь Айшу из Рамаллы, – сказал проповедник, – и она желает быть с тобой. Но ты не можешь добраться до Рамаллы, вас разделяет блокпост Каландия. Ты часто едешь в Каландию, но израильские солдаты не пропускают тебя. Айша тоже приходит к блокпосту, и тоже не может придти к тебе. Вы шлете друг другу сообщения, звоните, машете руками на расстоянии. То же происходи между Богом и Душой, и Шайтан стоит на блокпосту».

Попытки Бога дотянуться до Человека представлены в Библии сперва как союз с Израилем, а потом – как Воплощение. Трансцендентальный Бог совершает великое чудо и воплощается в имманентном теле Человека. Но и это чудо, эта высшая жертва, натывается на противодействие Оппонента.

Сергей Аверинцев, видный современный российский мыслитель, напоминает нам о парадоксе библейской веры и вопрошает: «Может ли Бог – трансцендентный, духовный и вездесущий – наделить Своим особенным реальным присутствием какое-нибудь отдельное место в пространстве, будь то Святая Святых или лоно Марии, физическое тело Человека Иисуса или евхаристические хлеб и вино; не кощунственно ли по отношению к духовному и исключительно трансцендентному учению отважиться говорить таким странным языком?» Он указывает на то, что это – одна из тенет веры: «(...) «И буду обитать (*wesakanti*) среди сынов Израилевых». Тот же семитический корень – *sakan* («поселиться», буквально – «разбить шатер»), – воспринятый греческим языком, употреблен в Иоанновом Прологе (Иоанн 1, 14): «И Слово стало плотью и обитало (*ἐσκήνωσεν*) с нами». Вездесущий стал Присутствующим, Невместимый обретает вместилище».

Аверинцев открывает нам боговдохновенную мысль: «Но воля, враждебная этому Присутствию, которая называется в Новом Завете архонтом («князем». – *И.Ш.*) этого мира (Иоанн 12, 31; 14,30; 16,11), делает попытки развести трансцендентность и имманентность, закрыть двери творения перед Творцом и таким образом очистить природу от всего сверхъестественного. В этом он получает некоторую поддержку от невольного союзника: от zelotского богословского рационализма, жаждущего искоренить все, что в его глазах скомпрометировано каким-либо напоминанием о народных полуязыческих верованиях древности или многобожия эзотерических кругов, и получить чистейший трансцендентализм».

Это – глубочайшая мысль: Сатана поддерживает (или генерирует) идеи, исключаяющие Божью благодать из нашей жизни. Его мега-задача – профанировать мир, а мега-задача Бога – наполнить мир своей святостью и благодатью. В терминах Сатаны, любовь это товар, в

Божьих терминах – секс это манифестация вселенской Любви. Князь мира сего хочет, чтобы Человек забыл о жизни духовной, но Бог хочет поднять Человека к своему уровню.

Бог не равнодушен к нашей судьбе. Он совершил невероятное – воплотился в человеческом теле, страдал, умер и воскрес для нас. Его ярый протагонист из книги Иова тоже не дремлет и не сдаётся. Они по-прежнему играют новыми идеями на огромной шахматной доске. Дьявол способен извратить любую мысль Бога; Бог способен превратить любую идею Дьявола в замечательную вещь. Например, любовь к Земле Христа вызвала братоубийственные Крестовые походы, но материалистический Коммунизм воодушевил сердца. Настоящие игроки не действуют сами по себе, это – наша человеческая задача совершать правильные шаги, и таким образом помочь Богу выиграть партию. Самонадеянные и чванливые воины давно ушедших времен имели обыкновение говорить «Бог с нами!». Скромные мыслители современности, мы должны говорить: «Мы – с Богом».

Чтобы понять происходящие события и их последствия, мы должны решиться на отважный шаг, на такой шаг, который нас учили ни в коем случае не предпринимать. Ведь в течение 500 лет научно-материальные (физические) исследования и духовные поиски были отделены друг от друга, и нам глубоко внушили, что это разделение следует сохранять. Предлагаемый нами подход к реальности – не двойственный манихейский подход, который предлагают сторонники апокалипсической Третьей мировой войны. Всегда и везде есть больше оттенков серого цвета, чем простая черно-белая картинка. Мы попытаемся объединить линии Имманентного и Трансцендентного, чтобы получить цельную картину мира.

Мы обнаружим, к нашему собственному изумлению, что две эти линии идут параллельно, как два разных языка, описывающие одну и ту же действительность. К примеру, современность заново обнаружила любовь к природе, и назвала ее длинным словом «энвайронтоментализм», или обозначила цветовым кодом «зеленого». Это явление в христианском обществе могло называться «почитанием Богородицы». В самом деле, Достоевский отождествил нашу Землю-Мать с Богородицей. Разрушение природы можно связать с отвержением Пречистой Девы. Аверинцевские следы «народных полужыческих верований древности или многобожия эзотерических кругов» указывают на местных духов (богов, «демонов»), которым все еще поклоняется менее материалистическая часть человечества. А проводимый сегодня в жизнь Новый Мировой Порядок на языке религиозных людей – не что иное, как начало Царства Антихриста, основанного на удалении духовных начал из нашей жизни. Если говорить практическим языком, то это – честолюбивая попытка полного порабощения Человека.

IV

Это легче сказать, чем сделать. Человек связан с нашим миром четырьмя пуповинами: его корни в родной земле, он принадлежит своей семье, своему территориальному сообществу, и Богу. Пока эти связи живы, его невозможно поработить. Эти четыре центральные точки формируют древнюю фигуру Креста, каким его изображали предки современных палестинцев на камнях и стенах. Задолго до того, как он послужил инструментом казни, Крест был глубочайшим мистическим символом древности, скрытым от обывателя. Этот символ был известен Моисею, который начертал знак креста на лбу своих людей, когда ангел смерти бродил у их порогов. Крест найден в самых древних слоях палестинских и египетских археологических раскопок.

В эпоху халколита, за пять тысяч лет до Христа, древние палестинцы, обитатели пещеры Тель Абу Матар возле Беершевы, выкладывали знак Креста мелкой галькой; каждый из них носил и на себе символ Креста. «Крестообразный знак был призван предупреждать

зло и давать защиту», – писал видный археолог Джек Финнеган³. В библейские времена такой знак назывался «тау», а греки называли его «хи». Царь Давид начертал знак Креста (тау) в минуту опасности. Пророк Иезекииль⁴ обещал спасение праведникам, которые скорбят о мерзостях, совершенных (Шароном и Ольмертом?) в Иерусалиме. Эти добрые люди должны начертать у себя на лбу знак спасения, знак Креста. (Что до сих пор делают египетские и эфиопские христиане).

Ессеи Дамасского Документа цитировали эти строки Иезекииля, поскольку очевидно знали об этом «знаке защиты, избавления и спасения», по словам Финнегана. Таким именно понимали Крест и Отцы Церкви, Ориген и Тертуллиан, которые могли расспросить своих палестинских современников. Жрецы Иерусалимского Храма рисовали изображение Креста на своих лбах чистым оливковым маслом, как будто первая буква имени Христа (Х) была написана на них, как делают и православные священники при соборовании. Таким образом, выбор Креста для казни Иисуса Христа был многозначительным: его враги хотели опровергнуть и подорвать идею спасения. Но последователи Христа приняли вызов и сделали этот тайный знак общеизвестным. Они рисовали его у себя на лбу: «Это традиция идет от Апостолов», сообщили палестинские христиане еврейского происхождения Василию Великому в 375 году. Гностики сохранили эти идеи в своих текстах.

Как мы уже заметили, эзотерический смысл Креста⁵ в том, что он являлся символическим изображением четырех «пуповинных» связей человека. Человек привязан к земле, к своей семье, обществу и Богу. До тех пор, пока он сохраняет хотя бы одну из этих четырех связей, он никогда не может быть полностью подкуплен, полностью развращен, или поработен. И все-таки ему нужны все четыре связи, и при этом полностью сбалансированные. Если он заботится о семье, но забывает о ближних; если любит Бога, но пренебрегает своей землей (или наоборот), он в конечном счете обречен.

Новые сторонники древней парадигмы подчинения-господства хотели бы завершить работу Сатаны, и удалить Божественное Присутствие из нашего мира. По этой причине они борются с Верой, уничтожают Природу, профанируют Любовь и обрубают корни Человека, нарушая его территориальные, социальные и семейные связи. Они делают это повсюду, от штата Вермонт до Афганистана. Но Палестина – центральная лаборатория нового мирового порядка, примерно так же, как Испания в 1936 году была лабораторией для поднимавшего голову фашизма.

Святая Земля необходима им и потому, что местные люди глубоко вросли в ее почву и ежедневно свидетельствуют о Боге. Святость этой земли – не историческое совпадение, а особенность уникального ландшафта и людей. На этом холме, у этого родника, под тем старым деревом палестинские герои Авраам, Давид и Иисус объединились с Богом. Деревни на вершинах палестинских гор – якоря человечества, и без них мы будем брошены на рифы.

V

Люди сопротивляются обрыву своих корней, «искоренению», но их меры зачастую плохо продуманы и ошибочны. Современный национализм – неудавшаяся тактика механической защиты против искоренения. Когда совершенно реальное качество – любовь к своей

³ The Archaeology of New Testament, Princeton University Press, 1992.

⁴ Иез. 9:4–6.

⁵ Это, конечно, не единственный эзотерический смысл Креста. Генон давал свою расшифровку в «Символизме Креста», а я же предлагал другое объяснение в статье «Трилистник и Крест»: «Левая и Правая – положения на Оси Общества, одной из трех Осей пространственного трехмерного Креста. Две другие Оси – Ось Духа, или Ось Христа, и Ось Земли, или Ось Богородицы».

общине и земле – покидает нас, оно вытесняется фикцией нации. Немецкий национализм предлагает материал для изучения этой болезни.

Пока немецкое общество все еще сохраняло свои корни, немцы любили свои города и деревни, свои маленькие королевства и герцогства. Они слушали Бетховена и Баха, ели свое излюбленное кушанье «wurst mit sauerkraut» и были провинциальны и счастливы. Когда же фактура общества была повреждена, немцы выбрали в качестве бальзама для заживления ран фантом немецкого патриотизма. Художник из Вены Адольф Гитлер был иммигрантом, не имевшим корней в Германии, человеком, который порвал все связи со своей родной землей и общиной, со своей семьей и церковью. И, что еще хуже, он даже не заметил своей потери. Его любовь к Германии и немецкому народу не распространялась на природу и землю Германии. Именно поэтому он мечтал о завоевании Восточной Европы и России, чтобы создать в этих странах империю новой Арийской Расы Господ, примерно так, как англосаксы создали Соединенные Штаты на земле коренных американцев. Он не понимал того, что, оторванные от немецкой почвы, немцы потеряют те качества, которыми он восхищался. Экспансия за пределы естественного географического ареала народа – смертельная уловка.

Националистические идеи Гитлера были заимствованы из обширного арсенала еврейской мысли. Евреи почитают еврейство, и этот порочный эгоцентризм был скопирован немецкими и другими националистами. Идею расового превосходства и разделения людей на Расу Господ и Untermenschen («недочеловеков») можно отыскать во многих пылких еврейских религиозных книгах. Геноцид разрешается, нет! – вменяется в обязанность Ветхим Заветом, и заповедь «истребите народ Амалека» все еще внесена в список под номером 604 из 613 заповедей ортодоксального иудаизма. Недавно ортодоксальный раввин Бар-Иланского Университета издал краткий трактат под названием «Заповедь Геноцида в Торе», объясняя и поднимая концепцию геноцида до уровня «положительной заповеди» для верующих иудеев. (Не будем сейчас затрагивать отдельный вопрос практики, практического применения подобных теорий).

На крайнее сходство еврейского и немецко-нацистского подходов обратил внимание в 1942 году выдающийся русский богослов о. Сергей Булгаков. Этот друг евреев высказал сожаление по поводу того, что «детей Израиля преследуют в Европе после вчерашнего триумфа», но отметил: «Еврейское самосознание идолизирует свою собственную нацию. Оно деградировало, превратившись в еврейский расизм, тогда как немецкий расизм – всего лишь завистливая пародия на него».

Как многие слепые подражатели, Гитлер не сумел понять всю глубину отличия. Евреи – не территориальная группа, тогда как немецкая нация было сформирована и базировалась на своей территории. Территориальным народам не следует расширяться далеко за свои естественные пределы; кроме того, они не могут существовать вне их. Доказательством этого можно считать судьбу потомков немцев в штате Пенсильвания и в других районах США: они потеряли свою этническую принадлежность и стали американцами.

Можно понять его ошибку. Гитлера страшил еврейский успех, «возвышение еврея», и он решил подражать еврейской стратегии. Его бойкот еврейских магазинов и предприятий был точной копией бойкота не-еврейских предприятий и вытеснения не-евреев с рынка труда в современной ему Палестине евреями-сионистами. Его идея «де-иудизации» была зеркальным отражением сионистской «иудизации». Его мысль о массовом изгнании евреев была калькой концепции выселения палестинцев, как еще с времен Теодора Герцля (1896) предусматривал сионистский план, осуществленный на деле в 1948 году.

Американский социальный психолог Кевин МакДональд описал нацистскую доктрину как «зеркальное отражение иудаистской стратегии» и потому самую большую угрозу евреям. Он предсказал, что в будущем не-евреи, европейцы и американцы, обеспокоенные «возвышением еврея», станут «подражать аспектам иудаизма, заимствуя служащую интере-

сам группы, коллективистскую идеологию и социальные организации». МакДональд был прав, заявляя, что «это окажет глубокое воздействие иудаизма как групповой эволюционной стратегии на развитие народов Запада». Его заключение глубоко пессимистично: еврейская стратегия «обречена на победу», исполняется ли она евреями, или принявшими ее коренными народами.

Для белого националиста такое заключение – призыв к немедленному применению иудаистской стратегии в интересах коренных народов. Еврейский супрематист убежден, что иудаистская стратегия должна применяться только евреями. Но для нас, не-расистов, иудаистская стратегия плоха сама по себе, применяется ли она немцами, евреями или белыми англосаксонскими протестантами. Существует возможность совершенно другого, не-иудаистского ответа на иудейский вызов. Стратегия слепого подражательства пагубна, но существуют другие стратегии, основанные на не-иудаистской концепции территории и местного содержания.

Национализм – это разница между реальным и надуманным национальным содержанием. Вросшему корнями в свою родную землю англичанину не нужен никакой английский национализм, ведь он «дышит Англией». Он – сосуд, наполненный местным содержанием, в котором нет места никакой «английскости». Когда же англичанин чувствует, что потерял часть связей, он пробует восстановить их любовью к английской идее. Национализм возникает на руинах местных привязанностей. Когда связи человека с Тосканой, Кентом или Бургундией ослабевают, ему нужен заместитель – итальянский, английский, или французский национализм. В конечном счете национализм превращается в шовинизм, забывая реальное местное содержание полностью.

Американские суперпатриоты, неокконы, полностью лишены американского национального содержания. Их шовинистическое размахивание флагом заступает на место любви к реальной Америке и американцам. Они – сторонники неограниченной иммиграции в США, поскольку не заботятся о своих соотечественниках – американцах. Их совершенно не волнует также и остальная часть человечества, и они бы без колебания подвергли атомной бомбардировке Ирак, родину Авраама, ради Израиля. Люди, справедливо испытывающие отвращение к циклопической агрессивности этой секты, позволили втянуть себя в антинационалистическую, универсальную и космополитическую программу. Но разве неизбежен выбор между безликостью и шовинизмом?

Есть реальная альтернатива обеим болезням, и Сцилле национализма, и Харибде вездесущей неукорененности, и это – любовь к конкретному региону или деревне. Любовь Фолкнера к Йокнапатофе и Барта – к штату Мэриленд, одержимость Джойса Дублином, и страсть Ролана к Бургундии, помещенная в центр мира Флоренция Боттичелли и Данте дают нам ключ к пониманию универсальной человеческой природы: местное содержание на самом деле существует, в противоположность абстрактному обобщению.

Лидеры сионистов с их дешевым софизмом имели обыкновение заявлять, что «нет никакого палестинского народа». Как и в любом софизме, в этом есть доля правды, но не вся правда. Палестинцы были настолько наполнены богатым местным содержанием, что не имели никакой нужды в национализме человека без корней. Палестинцы – дети своих деревень; для них Джифна и Тайба, Насра и Бирам незаменимы. Мы получим представление об этой концепции, вспомнив мемориальную дощечку на кресте: «Иисус из Назарета».

Это лишь одно из того, чему мы могли бы научиться у палестинцев. Любовь к нашим территориальным общинам, деревням и городам, к их людям – вместо помпезной идеи о нации и государстве. В американском контексте это означает приоритет прав штатов, а не федеральных властей, приоритет графств перед властью штата; приоритет деревням, а не графству. Конструктивные идеи можно позаимствовать в Швейцарии: вы не можете иммигрировать в Швейцарию вообще, – вас должен принять один из кантонов. Это справедливо:

если богатые либералы или неоконны поддерживают неограниченную иммиграцию, пусть расселяют иммигрантов в своем районе, в качестве соседей. Предполагаю, что это остановило бы иммиграцию почти полностью.

Местное содержание существует фактически, в противоположность абстрактному понятию «нация». Оно также обеспечивает безопасность и защиту против отчуждающей и унифицирующей чумы Глобализации. Я согласен с критиками национализма и национального государства: национализм потерпел полную неудачу повсюду, от Италии до Японии, от Сербии до Израиля. Это изобретение XIX века было гойской имитацией еврейского самобожания. Оно пролило реки крови, создало подобные мафии структуры, подавило свободы и спровоцировало яростную междоусобицу. Но какова альтернатива? Может быть, мамонское универсальное супергосударство, восстающее сегодня на основе *Rax Americana*? Может быть, это подражание еврейской стратегии потерявшими свои корни национальными группами в мультикультурном обществе? Нет, альтернатива лежит в неповторимом характере наших деревень и городов. Власть следует передать вниз, на уровень местных общин. На этом уровне нет места бюрократии и манипулятивной «демократии». Это спасет простых людей от диктатуры хитрых экспертов и богатых магнатов⁶. Мы должны учиться у наших палестинских братьев любить наши деревни и города, и сделать их такими же уникальными, как Джифна и Флоренция. Нельзя быть истинным патриотом своей земли, если не любишь свой город. Не напрасно Улисс так стремился в свою собственную Итаку, а не в Грецию.

VI

Многие честные люди осуждают сионизм и сравнивают его с колониализмом или с немецким национал-социализмом. Безусловно, праксис сионизма разорил прекрасную землю Палестины и способствовал концентрации власти в руках лидеров еврейских шовинистов в Америке и повсюду. Однако у сионизма имелась «уважительная причина», хотя, увы! – неприличная в эпоху политкорректности. Позвольте нам смело заявить о ней. Сионизм и антисемитизм не только поддерживали и питали друг друга, как привыкли говорить антисемиты. Ранние сионисты полагали, что некоторые специфически еврейские качества следует искоренить, лучше всего – перевоспитанием евреев в суровых условиях Палестины или Уганды. Сионисты называли традиционную еврейскую ментальность словом «галутиют» (от слова «галут», Рассеянье), что можно перевести как «особенности Диаспоры», и считали ее производной от жизни в Рассеянии, но она была в основном идентична «еврейству», как это определяли антисемиты.

Недавно остроумный американско-еврейский антисемит Ленни Бреннер прокомментировал письмо Хаима Вейцмана, написанное в 1914 году. Вейцман, ведущий сионист своего времени и первый президент Израиля, пишет о своей беседе с лордом Бальфуrom (автором Бальфурской Декларации), в которой тот доверительно признался ему, что «разделяет ряд антисемитских идей. <Вейцман> ответил ему, что и сионисты согласны с культурными антисемитами». Бреннер торжествующе заключил, что «в переводе на простой английский, Бальфур поблагодарил Вейцмана за подтверждение его антисемитских воззрений».

Молодые читатели, привыкшие к самовосхваляющим еврейским сочинениям, могут отнестись к подобным фактам с недоверием, но первые сионисты относились сурово к евреям, которых они знали не понаслышке. Для них масса еврейских адвокатов, порнодилеров, торговцев валютой, активистов лоббирования, банкиров, медиа-лордов, магнатов недвижимости, либеральных журналистов была, по словам Вейцмана, «нежелательным

⁶ Эту идею поддерживал Бакунин, заклятый враг бюрократии, и ее же прекрасно обосновал В.И. Ленин в своей лучшей книге «Государство и революция».

деморализующим феноменом», или, иначе – «отбросами общества» (как резко выразился Давид Бен Гурион). Сионизм принял главную посылку антисемитизма, и предложил средство, перевоспитание по-маоистски в изолированной, удаленной сельской местности.

Однако История распорядилась иначе. После поражения национал-социализма и коммунизма «галутная еврейская ментальность» оказалось побеждающей стратегией на поклоняющемся Мамоне Западе. Те самые «отбросы общества», адвокаты и медиа-лорды заворочили Америку, и стали примером подражания для многих американцев, как евреев, так и не-евреев. Израильский сионизм потерял свой боевой дух, выродившись в военную диктатуру, и выживает сегодня только благодаря субсидиям взятой в заложники Америки. Однако, это не означает, что «антисемитские» обличители из ранних сионистов были совершенно не правы, поскольку мирской успех – не единственная мера вещей.

Одна черта еврейской (галутной) ментальности особенно удивительна и необычна. Когда российские еврейские пай-мальчики конца XIX века покинули тепличную жизнь еврейских местечек и оказались лицом к лицу с большим миром, они узнали об одном трагическом элементе еврейского существования: разрыве с природой. Евреи не проявляли интереса к природе; они не описывали ее в стихах или прозе, не рисовали ее, не имели с ней контакта; их не заботил ландшафт за пределами их местечка. Молодые люди чувствовали, что такое положение вещей следует изменить. Некоторые из них отправились в Аргентину, где барон Гирш пытался привязать евреев к земле. Другие основали колонии в Крыму или в Палестине.

Они мечтали избавиться от своей еврейской ментальности. Не звание еврея их беспокоило (некоторых беспокоило и это, и они требовали, чтобы их называли израильтянами, или ивритянами, или хананейцами), но их не устраивали «еврейские» качества, от которых они хотели избавиться, и воссоединиться с природой. Не будучи строгими сионистами, скажем, что некоторые из них сумели избавиться от «еврейства» и не переезжая в Палестину. (Вероятно, их следует называть скорее потомками евреев, чем евреями). Большинство израильских евреев не смогли привязать себя к земле Палестины, поскольку это едва ли можно было осуществить без смешения с местными жителями.

Причину еврейского разъединения с природой объяснял другими словами, но примерно так же видный русский историограф, «русский Тойнби» – Лев Гумилев. Он считал, что «этнос» – это качество конкретной группы людей, связанной с конкретным ландшафтом. Этнос не может существовать вне экологической ниши. Гумилев определял евреев (или «неисправленных галутных евреев», как сказали бы сионисты), как людей антропогенного (рукотворного) ландшафта. Именно поэтому еврею так легко изменить место проживания: он игнорирует природу, тогда как современные города – все на одно лицо. Поэтому еврей обладает преимуществом перед конкурентами: если, скажем, часть сознания англичанина обращена к навыкам, необходимым для жизни в естественной окружающей среде Британских островов, еврейское сознание чудесным образом сконцентрировано на достижении успеха в рукотворной окружающей среде.

Гумилев заменяет традиционную дихотомию «евреи-гои» другой: «люди рукотворного ландшафта – люди естественных ландшафтов». Это не совпадает с дихотомией город – деревня, поскольку и городской обитатель может быть неотъемлемой частью ландшафта. Люди живут в красивых старых городах, Флоренции и Оксфорде, Иерусалиме и Мекке, Суздале и Лионе. Эти города росли как цветы, они создавали искусство, строили соборы и мечети; они были уникальны, и локальны, и универсальны в одно и то же самое время. Есть место и для самых больших городов мира – Париж, Лондон, Бомбей, Шанхай – места встречи цивилизаций.

Однако современные искусственные города, Мильтон Кейнс, Лютон, Сан Дени, разросшиеся пригороды Нью-Джерси, израильские Холон и Афула, русские советские городки

– безлики, похожи друг на друга и «освобождены» от культуры. Но и старые города подвергаются натиску и превращаются в искусственные. Когда в них возникают магазины и кафе больших международных сетей, они лишаются своих особенностей. Все города, в которых есть «Мовенпик» или «Хилтон», «Старбакс» или «Барклайз Банк» уже похожи друг на друга, уже лишились своей уникальности. Они становятся клонами одного протогорода, и их жители терпят поражение при столкновении с мобильными пришельцами.

Этнос добивается успеха в своей собственной экологической нише, но его постигает неудача в чужеродной среде. Чтобы победить в соревновании с другими этническими группами, этнос пытается приспособить себя к окружающей среде или приспособить окружающую среду к своим потребностям. Подобный процесс можно наблюдать при ловле большой рыбы: рыба пытается затянуть рыбака в собственную окружающую среду – в воду, – поскольку справедливо предполагает, что может победить там. Рыбак тянет рыбу в свою собственную окружающую среду, на сухую землю, ибо уверен, что там сможет победить.

Именно поэтому (галутные) евреи стремятся исключить чуждые (для них) естественные ландшафты и вытеснить их искусственными, где они могут применить свою стратегию. Это такое же инстинктивное побуждение, как попытка рыбы утянуть рыбака в море. Пример именно такой стратегии дает канадская еврейская династия Рейхманов.

Эта набожная ортодоксальная еврейская семья активно занималась продажей недвижимости в Канаде, Англии и в других местах. Они иммигрировали в Канаду из Австрии во времена Гитлера, и в 1980-х годах их богатство оценивалось в 40 миллиардов долларов. Рейхманы изобрели shopping mall – торговый центр, городской проект, который изменил жизнь людей на всем земном шаре. Эти «плазы» или «моллы» подорвали социальную структуру городов, убили традиционные небольшие магазинчики, разорили ремесленников, и поддерживали фирмы с известными брэндами, большие компании, автомобильную промышленность, неумный рост пригородов и социальный распад. Моллы устранили преимущество местных изделий или производителей в пользу импортируемых или централизованно производимых продуктов, ибо в молле нет традиционных магазинов или традиционных покупателей, нет верности или мастерства.

Моллы принесли Рейхманам сказочное богатство. Канадцы говорят: есть богатые, супербогатые – и Рейхманы. Этот клан поддерживал еврейскую благотворительную деятельность и израильские проекты, и потратил много денег на иммиграцию российских евреев в Израиль. Но они причинили больше вреда, чем добра нарождающемуся израильскому обществу. Их моллы опустошили Тель-Авив и Западный Иерусалим, так как относительно богатые покупатели переключились на моллы, и местные магазины, а после них и местные кафе, локальные пункты социального общения, потеряли своих клиентов. Израильское общество, одно время довольно связанное, рассыпалось на амальгаму разных групп. Дети иммигрантов, с их поверхностной и сомнительной связью с местным пейзажем, перестали играть на склонах Иудейских Холмов и стали проводить свободное время, бесцельно слоняясь по моллам, привыкая к искусственной окружающей среде и к посещению магазинов как к развлечению. Дети моллов способны запросто шагнуть из молла в Иерусалиме в молл в Торонто, где продаются те же брэнды, да и построены они теми самыми Рейхманами. Таким образом, еврейская (галутная) тенденция подорвала и сионистскую утопию, так же, как социальную жизнь и традиции многих стран по всей планете.

VII

Молл не появился на пустом месте. Поросль покупателей будущих моллов вырастала из массово-поточного производства, из прямоугольных, стандартных жилищных блоков, построенных после Первой мировой войны. Вдохновленные Нимейером, они те же во всем

мире, включая мой родной Новосибирск. Эти жилищные блоки привели нас в рукотворную окружающую среду, оторванную от местного содержания, национальных традиций и естественной среды. Безликие города, восстановленные после великого разрушения мировых войн, особенно угнетают, но даже города, пощаженные военным безумием, часто разрушались в угоду стандартизации...

Шведы пригласили Оскара Нимейера, родившегося в Бразилии сына иммигрантов, ученика Лючио Косты и Грегори Варшавчика, внести свой вклад в красоту Стокгольма.

Он предложил уничтожить средневековое ядро города, Гамла Стан, и заменить его безликими рядами прямоугольных блоков. Этот проект был отклонен, но – в качестве компромисса – красивый центральный район XIX века Хоторгет был стерт с лица земли и преобразован в безликие однотипные блоки. Такие же самые блоки были возведены на месте прекрасного района Москвы XVIII века – Арбата. Друг Советского Союза, Нимейер повлиял на программу массовой жилой застройки в постсталинской Россия, что превратило многих русских в людей «рукотворного пейзажа». Мир фильма «С легким паром» был построен по планам Нимейера, и в нем исчезла разница между городами.

Однажды я взял режиссера русского ТВ, симпатичную русскую девушку из Москвы на прогулку в ущелье Эн-Геди, одно из самых очаровательных мест в Палестине, с ручьями и дикими козами, пышной растительностью и маленькими водоемами. «Разве нельзя было сделать точную копию этого ущелья в какой-нибудь курортной гостинице в Эйлате?» – пожаловалась она после прогулки. Она говорила всерьез: ей, жительнице Нью-Васюков, не нужна природа с ее красотой. Она не одинока. Показывая великолепные арабские особняки Иерусалима российским туристам, я часто слышал скептическое замечание – «Да, наверное, там можно жить, если нет выбора». А вот стандартные жилые блоки в предместьях Иерусалима вызвали их восторги.

Сельская Россия была также трансформирована введением стандартного жилья, коллективизацией и массовым оттоком населения в города. В конечном счете Советская Россия стала страной двух парадигм: рукотворного и естественного ландшафта. Это разделение чувствовалось в искусствах, литературе, политике, экономических предпочтениях и социальной структуре. Господство искусственного стало почти тотальным, поскольку постсталинские коммунистические лидеры в своих желаниях и запросах все более и более походили на людей Запада. Но диссидентам и этого было мало – они хотели полностью скопировать рукотворный Запад. Писатели и художники-почвенники были маргинализированы.

Последствия расцвета искусственной парадигмы в России оказались печальными. Природа была разрушена; реки – отравлены промышленными отбросами; деревни – стерты с лица земли как экономически нежизнеспособные. События 1991 года закончили передачу власти и влияния в руки сторонников искусственности, о чем сигнализировало чудовищное возвышение еврейских олигархов, нескольких супербогатых банкиров и промышленных магнатов.

Подобный процесс имел место и в других местах, и парадигма искусственности стала доминирующей парадигмой мира. Я не думаю, что Нимейер, Рейхманы и другие создатели искусственной окружающей среды сознательно трудились ради мирового господства (галутного) еврейства, во что свято верят фанатичные сторонники теории заговора. Некоторые из них действовали подсознательно, создавая среду, в которой они могли бы процветать, то есть – рукотворную окружающую среду. Другие просто не понимали, что искусственная окружающая среда смертельна для Естественного Человека и объясняли сопротивление народа косным предубеждением. Решительные и упрямые, они считали, что знают лучше, что хорошо для людей. Не исключено, что они даже не отдавали себе отчета в том, что это хорошо только для них самих.

Так же, как рыба инстинктивно тянет рыбака в глубину, евреи – владельцы средств массовой информации – сформировали общественное мнение, тяготеющее к искусственности; еврейские финансисты обеспечили фонды для «искусственных» проектов; еврейские строительные магнаты строили и продвигали проекты массового стандартного жилья потому, что их симпатии были на стороне искусственного мира, и потому, что они чувствовали: в этом новом мире они будут процветать. Я думаю, что эти действия были более инстинктивны, чем сознательны, поскольку то же самое имело место и в еврейской колонии в Палестине. Безусловно, эти евреи симпатизировали Израилю, и Нимейер даже прожил некоторое время в нашей стране, но их деятельность в Израиле была столь же разрушительной, как и в других странах⁷.

Можно сравнить этот процесс с подобным явлением, имевшим место, когда британские иммигранты колонизировали Северную Америку. Они должны были конкурировать с местными жителями, коренными американцами, которые достигли симбиоза с природой. Чтобы остаться в живых, колонисты должны были выбрать одно из двух: либо изменять себя самих, либо преобразовать окружающую среду. Следопыт Фенимора Купера был человеком, который приспособился к природе и к обычаям коренных американцев. Если бы коренные американцы оказались достаточно сильны, чтобы заблокировать или ограничить иммиграцию из Европы, или английские колонисты разделяли бы французское преклонение перед «дикарями» (индейцами), оставалось бы место для постепенного приспособления.

Однако, английские поселенцы, пылкие протестанты, приверженцы Ветхого Завета, были одержимы идеей избранности, они считали себя Новым Израилем, повторяющим завоевания Иисуса Навина. Соответственно, местные жители стали для них «хананеянами», которых должно «рассеять» (Навина, 33:53) и «полностью истребить» (Навина, 21:3). Парадигма Ветхого Завета (радикально преобразованная Новым Заветом и Кораном) – это парадигма тотальной войны, тотального уничтожения, присвоения чужой собственности и гегемонии. Возвращаясь к Ветхому Завету, колонисты объявили войну «менее избранным». Именно поэтому они не только убивали и грабили коренных американцев, когда предоставлялся случай, но также разрушали окружающую среду: убили бизонов, отравили водоемы, разрушили прерии. Разрушение окружающей среды – естественный способ захвата страны иностранными завоевателями.

Разрушая природу, они выполняют задачу Сатаны, потому что Сатана побеждает (упаси Бог!), когда все следы Божественного Присутствия устранены из нашего мира. Природа – источник божественного вдохновения, и Бог, Который обитал в шатрах сынов Израиля и в лоне Марии, живет и в роднике под святыней Палестинского Нагорья. Поэтому Сатана стремится уничтожить природу и погубить талант человека, позволяющий ему вступать в союз с природой, с помощью людей, движимых на первый взгляд вполне мирскими причинами.

⁷ Примечание переводчика, Льва Гунина: Ни о какой «инстинктивности» не может быть и речи. Я всю жизнь занимаюсь изучением феномена искусственного разрушения предыдущей культуры в XX веке. Планы разрушения архитектуры и культуры национальных окраин империи разрабатывались в политотделах ЧК и НКВД с середины 20-х годов. Позже эти проекты включали в себя все объекты, так или иначе связанные с христианской культурой. В фашистской Германии происходило нечто подобное. Германская армия намеренно разрушила Краков, Варшаву, Минск, Киев (совместно с Советами). Американцы бомбили Италию и Германию с намеренной целью нанести как можно больше разрушений историческому наследию (архитектурному, культурному, и т. д.). Имеется ряд блестящих трудов на эту тему, в том числе Дэвида Ирвинга. Чаушеску разрушил Бухарест сознательно. О существовании в Израиле тайных долгосрочных планов – еще при Бен-Гурионе – разрушения всего, что связано с христианской и с еврейской галутной культурой (архитектурой – в первую очередь) писали несколько видных архитекторов, культурологов и историков. Власти по всему миру «поджигали свечу с обоих концов», иными словами, искореняли не только искусство прошлых веков, но и движение модернизма как эссенцию, как сжатое («архивированное») кодирование всей прошлой европейской культуры. Примеров преследования модернизма при всем его «засилье» в музеях и т. д. (потому что власти намеренно употребляли такое средство, как саботаж профанации) великое множество.

VIII

Причины разрушения ландшафта кажутся на первый взгляд экономическими. Когда пересыхает красивый ручей, разбухает река от промышленных отходов, вырубаются лес, или старинный город превращается в новый жилмассив, мы склонны винить человеческую жадность. Но этот процесс идет и без мотива прибыли. В моей родной Сибири множество деревень было разрушено и целые местности были затоплены при создании искусственных морей и гидроэлектростанций. В советской Сибири мотив прибыли начисто отсутствовал, и обширные электроресурсы не были нужны⁸. Можно привести тысячи примеров, когда разрушение природы идет не ради прибыли, предполагаемой или реальной.

Один из самых вдохновленных сетевых авторов, Диана Харви, вопрошает в отчаянии: «Целенаправленное отношение между правящими умами Земли и агонизирующей смертью природного мира остается загадкой. Что заставляет современных владельцев-менеджеров земного шара доводить деградацию планетарных систем жизнеобеспечения до состояния токсического шока? Смертные муки природы усиливаются день ото дня, но разрушительная человеческая деятельность продолжается неустанно, как будто это состояние дел не имеет никакого отношения к человеческой жизни. Мы обязаны задаться вопросом, не сошли ли эти могущественные люди, стоящие за рулем тонущего судна, ответственные за отравление всей планеты, с ума. Может быть, эти ярые приверженцы жадности попросту свихнулись, и, движимы голосом своего безумия, ведут нас в потоке бессмысленного хаоса напрямик к пропасти?»⁹

Диана Харви, как и Иммануэль Валлерштейн, совершает героическое усилие, чтобы узреть рациональную причину явно неблагодарного поведения, и она почти преуспевает в этом, расширяя концепцию жадности. Она заключает:

«Мировые корпоративно-властные структуры (...) подстроили разрушение природы, чтобы сорвать самый большой куш всех времен и народов. Они хотят поставить человечество в зависимость от производимой ими замены природы искусственными заменителями, и полностью контролировать нас, продавая эти заменители речной воды и чистого воздуха. Мое объяснение таково: силы корпоративного тоталитаризма преднамеренно уничтожают наш мир, чтобы продать нам его симулированную модель и получить прибыль».

Ее диагноз беспросветен, но реальность страшнее. Кто пообещал мисс Харви, что ей станут продавать заменители воздуха и воды в темном завтрашнем дне наших кошмаров? В конце концов, жадность и прибыль, даже написанные с больших букв, предполагают длительный режим работы. Пора совершить усилие – и признать, что жадность не является ни элементарной частицей, ни простой силой. За ней стоит более древняя и мрачная фигура: воля к господству. Для нее жадность – всего лишь средство к достижению цели. Да, хорошо продавать воздух мисс Харви и получать замечательную прибыль. Но может быть, еще лучше отказаться от прибыли и насладиться видом ее смертных мук? В конце концов, мои предки, одержимые тягой к господству, за хорошие деньги выкупили пленников-христиан у персов, взявших Иерусалим в 614 году, а затем перебили пленников, пренебрегая прибылью. Прибыль – не последнее слово; жадность – не самый худший грех. Жадностью не объяснишь стремление миллиардера «сделать» еще один миллиард. Он ищет иную добычу, не деньги, но господство.

⁸ Со временем электричество было использовано для алюминиевой промышленности, а та приватизирована в 1991 году и оказалась в руках ташкентского еврея, а ныне жителя Израиля.

⁹ Global Totalitarianism And The Death Of Nature, Diane Harvey, <http://www.rense.com>

Не может быть господства без порабощенных, а человека нельзя поработить, пока он связан с природой. Он плюнет на планы поработителей, и, как Диоген и Кандид, будет пить чистую воду реки и есть овощи со своего огорода. Чтобы его поработить, надо отравить реки и воздух. Поэтому разрушают природу. Но за волей к господству, за разрушением природы, мы замечаем новую фигуру. Как моряк Колумба, увидевший землю, мы протираем глаза с недоверием: этого не может быть!

В течение двух сотен лет, а то и дольше, христианский мир пытался жить без Бога. Некоторые отрицали Его существование, некоторые – нет, но как верующие, так и неверующие объясняли наши экзистенциальные проблемы, отвлекаясь от присутствия Бога во Вселенной. Обычно все поддавалось объяснению нашими добрыми и злыми побуждениями. Известна популярная присказка, приписываемая разным ученым, от Ньютона до Эйнштейна, которые, когда их спрашивали о Боге, отвечали: «У меня не было надобности вводить этот параметр в мои формулы». Средневековый английский ученый из Сюррея, Уильям Оккам (он послужил прототипом для героя триллера Умберто Эко «Имя Розы»), предложил принцип, названный по его имени «Бритвой Оккама»: «Не множьте сущности без необходимости». Это означало, что из двух конкурирующих теорий следует предпочесть более простое объяснение. Поэтому мы, как правило, не обращаемся к духовным категориям за объяснением мирских событий.

Но пока мы расслабились в нашем полностью материальном мире, другой принцип средневековой логики, Закон Манифестации (Проявления) уготовил нам ловушку. Данный закон декларирует, что «любая сущность в конечном счете проявится». Никогда не являющуюся сущность можно, безо всякого ущерба, считать несуществующей, то есть не-сущностью. Теоретически мы знали, что на определенных скоростях пространство будет соответствовать не древней геометрии Евклида, но новой геометрии, разработанной в XIX веке сыном ганноверского священника, Бернардом Риманом и Лобачевским. Но практически наш ум отказывался принять новую геометрию – пока она не стала реальностью в физике частиц.

Теоретически верующий человек должен быть готов к зримому проявлению духовного мира, Бога и более низких Сил. Практически мы отказались верить в такую возможность. Шведскую даму-пастора спросили, что бы она сделала, если бы ей было явлено видение св. Бригитты. «Я бы заказала два пива, большой бифштекс, и если бы это не помогло, то добровольно отправилась бы в психиатрическую лечебницу», – ответила та. Если таков ответ священника, то чего можно ожидать от мирян?

Когда мы отвернулись от Божественного Присутствия, и удалили Его из нашей жизни, мы помогли Его противнику за шахматной доской. Теперь влияние и планы Сатаны стали видны, и никакие бифштексы с пивом не изменят этого. Последние события человеческой истории, бессмысленное разрушение природы и войну против духовности нельзя правдоподобно объяснять рациональными материальными причинами. За вполне человеческими устремлениями больших корпораций, за Жадностью с большой буквы, за парадигмой Господства, безликий Разрушитель явил себя, как лорд Дарт Вейдер на покоренной планете.

Трилистник и Крест

I

На многоцветной карте Ханса Бюнтинга (1581 г.) наш мир выглядит как цветок, три лепестка которого соответствуют трем континентам – Европе, Западной Азии и Африке, соединенным Святой Землей. Но допустимо и другое прочтение карты: цветок есть символ веры в Христа и Богородицу, а три лепестка означают ислам, католицизм и православие. В то время как на Западе предпочитали противопоставлять ислам христианству, христиане Востока, в особенности святой Иоанн Дамаскин, рассматривали ислам как еще одну ветвь христианской церкви наравне с западной католической церковью. Действительно, ислам, почитающий Христа и Ситт Марьям, отстоит от православия не дальше, чем кальвинизм, не признающий ни икон, ни священников и отказавшийся от почитания Пресвятой Девы. Эти три религии предлагают различные толкования одной и той же идеи: православие уделяет больше внимания Христу Воскресшему, католицизм – Христу Распятому, а мусульмане следуют Святому Духу. Непризнание православием принципа «филиокве» тоже роднит его с исламом; здесь мы видим сходство теологических взглядов, основанное на географическом соседстве.

Чтобы понять смысл войны на Ближнем Востоке, необходимо увидеть в исламе третью из великих церквей нашей Ойкумены. На самом деле, существует множество способов интерпретации этого конфликта: политэкономия, демография, геополитика и расовая теория предлагают различные объяснения, часто противоречащие друг другу. Проблема в том, что ни одно из них не подходит полностью. Осознание того факта, что ситуация требует объяснения, основанного на религии, нашло свое выражение в доктрине Хантингтона о «схватке цивилизаций», рассматривающей противостояние ислама и христианства как повторение средневековых крестовых походов. Ее упрощенную, популярную трактовку можно встретить во всех ведущих газетах Запада, от «Нью-Йорк таймс» до империи Берлускони, а Ориана Фаллачи и Энн Каултер возвели ее в крайнюю степень.

Но конфликт между тремя величайшими церквями окончен – к худу или к добру, но благородные рыцари в красных плащах поверх сверкающих лат давно перестали скакать по холмам Палестины и полям Пуату и, восклицая *«Lumen Coeli»*, нестись в бой против не менее храбрых и доблестных сарацин, осененных зеленым знаменем. Теперь они имеют установившиеся сферы влияния, а такие вещи, как небольшие пограничные стычки или «улавливание душ» просто не дают им утратить бдительность. Больше нет никакой «мусульманской угрозы католицизму» или «католической угрозы православию», несмотря на то, что многие люди уверены в обратном.

Православные христиане Греции и России, Палестины и Сирии полностью разделяют взгляды мусульман и относятся к американскому вторжению с не меньшей враждебностью. Попытки насаждения проамериканских настроений в Москве и Афинах неизменно проваливаются. «Воззрения православных греков обнаруживают больше сходства с общественным мнением в Каире или Дамаске, нежели в Берлине или Риме», – признает «Уолл-стрит джорнэл». Поэтому дурацкая гипотеза о столкновении христианства и ислама не основана на реальности. На мой взгляд, и в этой статье, понятие «христианство» включает в себя не только великие апостольские церкви Востока и Запада, но и ислам.

Несмотря на свою ошибочность, теория Хантингтона опирается на фундамент *теополитики*¹⁰ – это слово, неизвестное словарю *Microsoft Word*, ввел в употребление Карл Шмитт. Определить принадлежность этого великого мыслителя к тому или иному философскому течению непросто, его считали своим нацисты и неоконсерваторы, деконструкционисты и антиглобалисты, такие разные мыслители, как Лео Штраус и Джордж Агамбен, Хантингтон и Деррида. По мнению Шмитта «все наиболее содержательные концепты современного учения являются секуляризованными теологическими концептами».

Учение о «либеральной демократии и правах человека», принесенное силами морской пехоты США на берега Тигра и Аму-Дарьи, представляет собой крипторелигию, крайне еретическую форму иудаизированного христианства. Александр Панарин, современный русский философ (ныне покойный), подметил антихристианский характер этого учения: «Современные представления американцев о деконтекстуализованных Товарах и их десоциализованных Потребителях – это языческий миф»; по его мнению, учение, насаждаемое США, представляет собой возврат к язычеству.

Как мне кажется, эту новую религию можно назвать неоиудаизмом; его приверженцы воспроизводят взгляды, характерные для иудеев; иудеи часто выступают в роли проповедников новой веры, при этом ее приверженцы верят в сакральность Израиля. Действительно, когда в Нидерландах сжигают мечети, а в Израиле разрушают церкви, это не вызывает никаких эмоций в сравнении с тем, что начинается, когда на стене синагоги рисуют граффити. США определяет степень лояльности своих союзников в соответствии с их отношением к евреям. Музей (а точнее, Храм) Холокоста находится возле Белого Дома. Поддержка еврейского государства является обязательным пунктом программы всех американских политиков.

«Избранным», то есть, сторонником новой веры, может стать кто угодно – выбор за вами; Новейший Завет принимает и евреев, и не-евреев; почитайте Мамону, забудьте о Природе, Духовности, Красоте, Любви; почувствуйте, что вы принадлежите к особой расе, докажите это, добившись успеха в стяжании мирских благ – и вы вступите в число адептов нового учения. С другой стороны, любой еврей может предпочесть не исповедовать эту веру; ни греховность, ни добродетель не предопределяются биологически.

И все же, ощущается заметная преемственность между палеоиудаизмом и его более новой версией. В еврейском государстве воплотились параноидальные страх и ненависть к иудеям по отношению к иноверцам, в то время как политика Пентагона представляет собой проявление все тех же страха и ненависти, но уже во всемирном масштабе. Идеи неоиудаизма были сформулированы еврейским националистом Лео Штраусом и были подхвачены еврейскими журналистами, пишущими для «Нью-Йорк таймс». Существует проект строительства нового Иерусалимского Храма на месте мечети Аль-Акса, для того чтобы поддержать неоиудаизм экзотерическими ритуалами.

Неоиудаизм – это неофициальная религия Американской империи, а война на Ближнем Востоке представляет собой неоиудейский джихад. Это интуитивно понимают миллионы людей: по словам Тома Фридмана из «НьюЙорк таймс», «иракцы называли американских захватчиков евреями». Неоиудаизм – это антидуховный и антихристианский культ глобализма, неолиберализма, разрушения семьи и уничтожения природы.

Кроме того, это культ утилитаризма, отчужденности и отхода от истоков, противостоящий сплоченному обществу, солидарности, традициям – говоря коротко, противостоящий ценностям, исповедуемым тремя великими церквями. В связи с тем, что на Западе церковь утратила свое положение, адепты неоиудаизма считают западное христианство практически мертвым (они пока не заметили возрождения православия в России) и сражаются с ним

¹⁰ *Теополитика* – обеспечение государством условий для выполнения народом своей духовной миссии.

бескровными методами с помощью ADL (Anti-Defamation League), ACLU (American Civil Liberties Union) и других антихристианских организаций. Газета «Виллидж войс», перечисляя преступления нынешнего американского режима, называет Буша «христианином», «Нью-Йорк таймс» пишет о совращении детей священнослужителями, Шварценеггер громит церковь в фильме «Конец дней» – все это западный фронт неоиудейского джихада.

Ислам остается последним великим вместилищем духовности, традиций и солидарности, поэтому адепты неоиудаизма обрушивают на него всю огневую мощь, находящуюся в их распоряжении. Ислам будет побежден, если на месте Аль-Акса будет воздвигнут храм неоиудеев. Ислам является преобладающей религией среди соседей и врагов Израиля. Ислам сыграл историческую роль в обороне Палестины, сердцевины цветка о трех лепестках, вместилища общей пратрадиции, о которой писал Генон. Карл Шмитт усмотрел «значительный исторический параллелизм» между нашим временем и эпохой Христа. Собственно, война с палестинцами часто интерпретируется как новая попытка (нео)иудеев и почитателей Мамоны распять Христа на Его земле. Генон полагал, что современность (представляющая собой *kali yuga* или Последнее время) завершится появлением Антихриста и концом света. Таким образом, война против ислама является одним из этапов последней войны, войны против Христа.

На более глубоком, метафизическом уровне происходит борьба между двумя тенденциями: силой, которая притягивает небо и землю друг к другу и ресакрализует мир, и силой, которая пытается разделить небо и землю и профанизовать мир. Объединяющая сила представлена Христом в руках Богородицы. Разделяющая сила, Великий Профанатор, это не только иудеи; но они охотно поддерживают его, поскольку, с их точки зрения, мир за пределами Израиля (*Persona Divina*, а не государства) должен быть лишен Бога и благодати. Таким образом, действия неоиудеев в конечном счете приводят к профанации мира и, на другом уровне, к освобождению от ограничений, налагаемых обществом и Богом, и к победе индивидуализма.

II

Сейчас, когда диагноз поставлен (неоиудаизм, играющий роль новой религии и ведущий джихад на Ближнем Востоке), мы можем попытаться вылечить болезнь. В этой войне самое главное – не битва за Фаллуджу, а война за души людей, которую ведут две идеи: кто победит, Христос или Антихрист. Этот вопрос решается не силой оружия, а нашей способностью разбить врага в споре. А вы, мои читатели и товарищи, – отборный спецназ нашей духовной армии; ваша задача – разоблачить врага и разбить его.

Сражаться с религией возможно, в особенности, если это такая крайняя форма ереси, как неоиудаизм. Мы должны показать его религиозные корни, развенчать его священное наследие, высмеять его идеи и пролить свет на его преступления. Когда предшественники неоиудаизма начали свою борьбу против Церкви, они высмеивали ее догматы. В этом отношении французский комик Дьедонне сделал для прекращения джихада столько же, сколько все остальные.

По мнению Генона, Реформация знаменовала собой Падение Человека, начало эры Кали Юга; в таком случае, неоиудаизм следует рассматривать как ее завершение, как крайнюю степень реформирования, когда то, что реформируют, становится полной противоположностью тому, чем оно было до реформы. Следовательно, наша задача – контрреформация, а наше знамя – Дева Мария, которая «грозна, как полки со знаменами» (Песнь Песней, 6:4). Шмитт также рассматривал Деву Марию как важнейший культурный и религиозный символ, хотя и не осознавал ее связи с исламом.

Иудейская тенденция, впервые возникшая в христианстве с началом Реформации (или, по мнению Дугина, после отказа католической церкви от Никейского Символа веры), теперь расцвела пышным цветом и развилась в неоиудаизм. Эта религия уязвима в силу того, что не является всеобщей, католической верой. Подобно предшествующей религии, [палео-]иудаизму, это религия для Избранных; на этот раз – для тех, кто избран Мамоной, а за спиной Мамоны мы видим Великого Профанатора, Антихриста. Избранные немногочисленны; все остальные следуют этому еретическому учению вопреки собственным интересам.

Профессор Кевин Макдональд из Калифорнии с изумлением писал: «Богатые и влиятельные представители европейской элиты часто не понимают собственных этнических интересов или же ценят их слишком низко. Они действовали вопреки этническим интересам своего собственного народа... Одной из причин этого может быть то, что они живут в своих элитных гетто, изолированные от остального мира, совершенно не интересуясь другими представителями своего народа». Он так и не понял, что «влиятельные представители европейской элиты» ведут себя в точности как типичные иудеи: они живут в «элитных гетто», точно так же, как евреи жили в гетто [как писал Жаботинский, с исторической точки зрения, еврейское гетто было привилегированным «gated community», подобным европейскому селтльменту в докоммунистическом Шанхае], и они не считают обычных людей подобными себе. Таков путь к успеху, которым следуют неоиудеи, так как у неоиудеев нет ни народа, ни отечества.

Однако подражатели не добиваются того же успеха, что иудеи. Суфийский поэт Руми рассказывает занятную историю о служанке, наслаждавшейся сексуальным сношением с ослом: чтобы устранить несоответствие между человеческими и ослиными размерами, она пользовалась баклажаном. Госпожа увидела это и решила проделать то же самое; но она не воспользовалась баклажаном, поэтому при первой же попытке была разорвана и умерла. Точно так же и неоиудеи не замечают того, что настоящие иудеи оказывают друг другу поддержку, словно одна семья; они обращают внимание только на внешние признаки поведения иудеев, то есть на их пренебрежительное отношение к окружающему их местному населению. Вот почему они обречены терпеть несчастья, как глупая хозяйка хитрой служанки: они приведут свое общество к упадку и разрушению, а взамен ничего не получают.

Наблюдение Макдональда можно интерпретировать как признание того, что представители элиты предают свои народы. Это так: СССР погиб в результате предательства своей элиты, а сейчас аналогичный процесс имеет место на Западе. США и Израиль столь мало преуспевают в войне против ислама по той причине, что представители местной мусульманской элиты, мобилизованные своей Церковью, не идут на полное предательство. В Обители Ислама такое предательство считается не *comme il faut*.

Мы сможем оторвать сбившихся с пути от избранных, но сперва мы должны проваться сквозь несколько кругов обороны врага. Внешний круг обороны неоиудаизма – полное отрицание им того, что он является религией. Это средство использовалось коммунизмом и в конце концов привело его к гибели. Второй круг обороны – представление религии в виде «частного дела, которое никого не касается». Джихад, который они ведут, отличается от благородного джихада пророка Мухаммеда; вместо того, чтобы провозглашать свою веру, неоиудеи пытаются навязать ее исподтишка. А третий круг украшен лживым знаменем «христианства» Буша.

До сих пор неоиудаизм одерживал верх, побеждая одного врага за другим, а сейчас мы должны объединить их. Если использовать термины каббалы, мы должны собрать божественные искры, которые рассеялись, когда сосуды лопнули из-за обилия Божественного света (*Shevirath Keilim*). В процессе мы должны распознать положительные (для Христа и Девы Марии) силы и тенденции нашей Ойкумены и объединить их, деконструировав уловки противника.

Раскол на правых и левых был навязан нам противником; мы должны преодолеть его. Понятия правого и левого принадлежат одномерной вселенной, а наш мир, определенно, имеет более одного измерения. Анализ политики иудеев показывает нам, что иудеи не склонны переоценивать различия между левым и правым: лидер левой партии «Мерец», Йоси Сарид с уважением отзывался об убитом лидере ультраправой партии иудеонацистов Рахаваме Зееви (Rahavam Zeevi). Израиль не исключение из правила: наиболее воинственные из иудеев-республиканцев, неоконсерваторы, выражают готовность сменить политический курс и стать неолибералами в случае победы Керри.

«Если нам придется действовать сообща с самыми рьяными либералами и бороться с консерваторами, я не имею ничего против», – заявил Уильям Кристол в своем интервью «НьюЙорк таймс». И, как добавил редактор газеты «Уикли стэндарт», неоконсерваторы вполне могут совсем отказаться от своих правых взглядов и обратиться к неолиберализму. Чтобы расставить свои политические приоритеты, Кристол добавил: «Я предпочитаю Буша Керри, а Керри предпочитаю Бьюкенену... Если вы прочитаете несколько последних выпусков «Уикли Стэндарт», она имеет столько же или даже больше общего с самыми ярыми либералами, чем с традиционными консерваторами».

Да, это так. Но если Керри поддерживает поздние аборт, квоты, увеличение налогов, гомосексуальные союзы, увеличение числа либералов в Верховном Суде и, судя по тому, за что он голосует, придерживается еще более левых взглядов, чем Тедди Кеннеди, почему же Кристол предпочитает его другим консерваторам? Ответ прост: война и Израиль»¹¹.

Наш ответ на этот вопрос более сложен. Понятия Левого и Правого существуют только на социальной оси, и на ней они действительно играют важную роль. Но существуют и другие оси, духовная и земная, или Ось Христа и Ось Девы Марии. Вместе они образуют трехмерный крест, описанные Геноном в его «Символизме креста». Наши противники способны образовывать союзы, невзирая на разделение на Левых и Правых потому, что их объединяет отрицание Христа и Девы Марии. Поэтому и мы должны быть в состоянии объединяться с другими людьми духа и земли, несмотря на различие общественных взглядов.

Если мы обратимся к духовной оси, то увидим противостояние всеобъемлющих католических религий Трех Великих Церквей и индивидуалистических культов. «Религия – это не частное дело отдельных лиц, расположенных к духовной жизни, – пишет Панарин. – Церковь стоит на страже ценностей, это иная, высшая власть, которая стоит выше власти торговцев. Она должна обладать властью исключать такие вещи, как красота и любовь женщин, убеждения, земля, из области торговли». Вот почему наш противник так яростно сражается с Тремя Церквями. В современном обществе о Трех Церквях можно говорить что угодно, но о иудаизме, от которого пошел неоиудаизм, разрешается говорить только хорошее.

В нашем «искоренившем антисемитизм» обществе вы нигде не найдете статьи с названием «Детоубийство как священная традиция иудаизма», несмотря на то, что за последние несколько лет евреями были убиты сотни палестинских детей. Зато в популярном еврейском журнале можно встретить такие слова:

«Отклики на обезглавливание фанатичными джихадистами еще одного «неверного иудея», Берга, свидетельствуют о том, что наша интеллигенция либо пребывает в опасном неведении, либо просто не желает примириться с жестокой реальностью: подобные убийства совсем не противоречат священным практикам джихада, равно как и отношению мусульман к неверным, в частности, иудеям, которое восходит еще к VII веку и личному примеру пророка Мухаммеда»¹².

¹¹ Бьюкенен Патрик. Возвращаясь туда, откуда пришли; <http://www.antiwar.com/pat/?articleid=2371>

¹² Бостом Эндрю. Обезглавливание как священная традиция в исламе // FrontPageMagazine.com. 13 мая 2004 г.

Дозволены любые покушения на Церкви и на их святыни, даже такие злостные, как те, что предпринимает французская иудейская студенческая организация под названием UEJF. Эта организация напечатала плакат: лицо девы Марии и подпись «Грязная еврейка». Во Франции суды удовлетворили требования евреев и запретили церквям звонить в колокола; другой широко известный пример – запрет на ношение хиджабов. В Иерусалиме на прошлой неделе полиция ворвалась в англиканский собор и схватила искавшего там убежище христианина Мордехая Вануну. Поэтому мы должны встать на защиту наших церквей и их духа.

Коммунизм был попыткой создания новой католической христианской религии, но без Христа. Хотя некоторые правые мыслители подчеркивают «иудейское происхождение» коммунизма, он был антииудейской, всеобъемлющей идеологией. Увы, они слишком решительно действовали бритвой Оккама и истекли кровью. Мы должны принять выживших в этой катастрофе и дать им место в своих рядах.

Если мы обратимся к **Земной Оси**, мы увидим противопоставление автохтонов и скитальцев. Юрий Слезкин¹³ предложил называть их аполлонийцами и меркурианцами. По его мнению, «аполлонийское общество состоит из крестьян, воинов и священнослужителей, в то время как меркурианцы это гонцы, купцы, переводчики, ремесленники, гиды, целители и другие путешественники, пересекающие границы». Он сравнивает это разграничение с противопоставлением евреев и не-евреев и замечает: «Евреи – меркурианцы, а не-евреи – аполлонийцы. В современном мире все мы становимся все большими меркурианцами – если угодно, и все большими евреями, и типичным меркурианцам – евреям – удастся быть лучшими меркурианцами, чем кому-либо другому».

Естественно, под «всеми нами» профессор Слезкин подразумевал своих коллег – профессоров из университета Беркли и МГУ, а вовсе не калифорнийских пеонов или русских крестьян. Принимая эти поправки, его тезис можно перефразировать следующим образом: чтобы преуспеть в период Кали Юга, нужно приобрести качества иудеев и стать неоиудеем. Этими «иудейскими качествами», по мнению Слезкина, являются «подвижность, неутомимость, отсутствие корней, способность оставаться чужим, избегая других людей, отказ от сражений, отказ разделять трапезу с другими – и вместо этого создавать, обменивать, продавать и, по возможности, воровать вещи и идеи». «Избегание других людей» подразумевает отсутствие сострадания; «отказ разделять трапезу» подразумевает отказ разделять веру, «отказ сражаться» подразумевает извлечение выгоды из войны, которую ведут другие люди, «отказ от корней» порождает желание лишить корней всех остальных.

Действительно, неоиудеи не ведают сострадания, они извлекают выгоду из войн, в которых сражаются другие, они безжалостны, они не имеют корней; это идеал, описанный Жаком Аттали, который мечтал о мире, состоящем из современных кочевников, не привязанных ни к корням и ни к земле. Мы должны вернуть меркурианцев на положенное им скромное место на задворках общества.

Эти качества не являются «расовыми»; таких личностей как Карл Маркс и Симона Вайль, Людвиг Витгенштейн и Отто Вайнинггер можно привести в качестве яркого примера наших товарищей по оружию, создавших средства для современного антииудаистского дискурса. Они доказали, что «иудейская тенденция» носит идеологический и теологический, а не расовый, характер. Повсеместная и настойчивая огласка гитлеровских преступлений, практически выливающаяся в их пропаганду, используется для того, чтобы затемнить это различие: в качестве нормы нам преподносят низменный биологический антисемитизм, уникальное исключение в многовековой борьбе с иудейской духовностью.

¹³ The Jewish Century, Princeton University Press, 2004; http://www.alumni.berkeley.edu/Alumni/Cal_Monthly/November_2004/QA_A_conversation_with_Yuri_Slezkine.asp

Отвергая расизм, мы равным образом отвергаем и антирасизм, поскольку сейчас это понятие используется в качестве кодового обозначения крайних антиавтохтонных настроений. Друзья Палестины напрасно пытались использовать эту концепцию в борьбе за равенство в Палестине/Израиле. Хотя любая идея может использоваться более чем одним способом, понятие антирасизма оказалось настроенным и заточенным под борьбу неоиудеев со сплоченными сообществами коренного населения. Они бы использовали его против Гватемоки или Боадии, они используют его против Мугабе. Антирасизм – это отрицание права автохтонного населения самостоятельно решать свою судьбу; средство отделения человека от его исконной среды обитания. Это понятие делает незаконными возражения против наводнения страны толпами иммигрантов и разрушения традиционной структуры общества.

Как отметил Теофилус д'Обла, «современный антирасизм наряду с концепцией прав человека – это вовсе не принципы борьбы с исключением из общества и, следовательно защиты Человека. Напротив, эти понятия используются для воцарения доминирующей культуры во имя поглощения, растворения в бесформенном целом».

Холокост [евреев] – это шиболет¹⁴ Новых Избранных. Он выполняет социальную функцию и используется для того, чтобы компрометировать большинство – то есть коренное население, придерживающееся местных традиций: если его не разоружить и не преобразовать в «открытое общество», не подорвать его государственность, не приватизировать его экономику и не распродать американским компаниям, оно учинит новый холокост, утверждают проповедники этой доктрины. Панарин с его острой социальной направленностью писал: *«Тема холокоста – лакмусовая бумажка нового либерального сознания, посредством которого распознаются свои в ведущейся гражданской войне. Те, для кого холокост – главная реальность новейшей истории, способны вести гражданскую войну с «традиционалистским большинством», то есть являются «своими» для новой власти глобалистов; те, кто проявляет «преступное равнодушие» к этой теме, должны быть зачислены в число подлежащих интернированию. Холокост, таким образом, становится новой идеологией классовой непримиримости – в отношении традиционалистского большинства»*. Но Холокост имеет и теологическое значение: он призван занять место Распятия в сознании верующих.

Постоянное апеллирование к правам человека составляет важный элемент неоиудаизма. Оно используется для того, чтобы действовать вопреки интересам общества. Неоиудеи унаследовали от своих средневековых идеологических предшественников особую точку зрения на общество как на общество, которое дает им приют, общество, к которому они не принадлежат, но наживаются на нем. Если интересы индивида и права общества вступают в противоречие, неоиудаизм отрицает легитимность прав общества. Исходя из этой точки зрения, право Ходорковского или Березовского продать принадлежащую ему нефтяную компанию западным дельцам имеет приоритет перед правом российского общества обеспечить всех своих членов отоплением в зимний период. Право сутенера ввозить порнографию и продавать женщин в иностранные бордели имеет приоритет перед правом общества защищать своих женщин и свою нравственность.

¹⁴ Слово, используемое для идентификации членов замкнутой группы. Шиболет имеет как включающее, так и исключющее назначение: человек, который не может произнести правильно слово «шиболет», считается чужаком и исключается из группы.

* * *

Еврейское государство Израиль стало знаменем нашего противника и должно быть демонтировано. «Еврейские» граждане Израиля разрываются между верностью своей стране и верностью еврейскому народу. Вторая верность не позволяет им стать палестинцами; с ней пора расстаться. Мы одобряем тех граждан Израиля, которые потребовали у Верховного Суда перестать называть их евреями: для неверующих людей это слово ассоциируется с преданностью мировому еврейству. Им по пути с их палестинскими братьями, которые охотно примут их. Ультраортодоксальное досионистское меньшинство в Палестине доказало свою верность традиции: их нужно защитить и сохранить, как свидетеля и как реликт; а их судьба должна быть оставлена на волю духовных сил.

Палестинцы – классический и яркий пример коренного населения, теснимого евреями-иммигрантами. Говоря словами второго послания апостола Павла к Фессалоникской церкви, палестинцы – это последний катехон, последняя защита нашего священного наследия, стражи единой традиции в том виде, в каком она была до ее разделения на Три Церкви. Они – образцовые жертвы процесса outsourcing: местные труженики, вытесненные на обочину и замененные импортными наемными работниками. Таким образом, наша война в Палестине – это война по трем осям: война коренного населения с силой, пытающейся лишить его корней и вытеснить с родной земли, война католических Церквей против врагов Христовых, и война крестьян и рабочих, воинов и священников против менял. Эта война имеет и символический смысл: от нее зависит, победит ли неоиудаизм на мировом уровне или потерпит полное поражение. Это решающая война нашего века, и от ее исхода зависит наше будущее.

Об искусстве ¹⁵

I

Как-то раз, путешествуя по Пелопоннесу, мы заехали в картинно-средневековый Науплио. Его порт сторожат мощные серые стены форта, уютные кафе растянулись по набережной, а за ними узкие кривые переулки круто поднимаются вверх по склону холма, увенчанного венецианской крепостью. Городские улицы были чисты и умыты и хранили легендарную прелесть Греции – на материке (в отличие от островов) не так уж много мест, способных с ходу покорить сердце чужестранца. Греки называют его «Нафлио», видимо, в честь поросенка Наф-Нафа. Что необычно для Греции, город был основан крестоносцами по пути в Яффу и Аккру, зодчими были венецианцы, турки, французы и баварцы, а правил герцог Афинский. Науплио стал первой столицей независимой Греции, но ненадолго; его милостиво миновала судьба Афин, и город не стал перенаселенным мегаполисом.

Зато это хорошая база для вылазок по Арголиде. На главной площади стоит старинное венецианское здание, местный археологический музей. Экспозиция начинается с предметов искусства микенского царства, отпрыска великой минойской цивилизации Крита. Микенская культура расцвела недалеко отсюда за толстыми стенами Микен и Тиринфа, под скипетром проклятых Атридов. Удивительно свободное и вдохновенное искусство, с игривыми и сладострастными (как барочные нимфы на потолке нашего отеля) наядами и богинями, веселыми осьминогами на керамике, с фресками, напоминающими палестинский Дейр эль-Балах. Микенцы знали письменность, строили дворцы и крепости, вырезали из базальта замечательных львов над воротами в свою столицу. Но следующие залы свидетельствуют о глубоком упадке. Живописное буйство исчезает, и его место занимают голые геометрические формы. Пройдут века – с XII по VI век до н. э. – пока местные жители вновь создадут произведения живого искусства, обретут письменность и изощренность прошлого.

Эту лакуну времени чувствуешь, читая «Одиссею». Гомер писал свой анахронистический шедевр через четыре века после коллапса; он не подозревал, что прообразы его героев умели читать и писать, а их принцессы вряд ли стирали белье собственноручно. Искусство периода упадка крайне похоже на то, что сегодня принято называть «современным искусством». В небольшом музее афинского акрополя можно увидеть точную копию скульптуры Джакомоцци, сделанную 2700 лет назад. Простенький геометрический орнамент того периода с успехом сойдет за лучшее проявление современного искусства. Так в скромном музее Науплио мы нашли недостающую деталь мозаики-головоломки: смерть искусства – это признак коллапса цивилизации.

Другая деталь нашлась на другом конце Европы, в столице басков Бильбао, где стоит гигантский музей современного искусства, построенный еврейско-американским семейством Гуггенхаймов. Это, пожалуй, самое грандиозное здание, возведенное в современной Испании, оно подобно флагману торгового флота, входящему в Бискайский залив. Его форма уникальна. Там нет прямых углов, а изгибы стен столь замысловаты, что не поддаются словесному описанию. Здание музея построено с целью произвести впечатление, оно ошеломляет, как космический корабль, приземлившийся на деревенской улице.

Внутри оно меньше поражает воображение. Куски ржавого железа, видеоэкраны, грубые геометрические конструкции представляются шедеврами современного искусства. Художник из Нью-Йорка демонстрирует 15 рифленых стальных поддонов, художник из Япо-

¹⁵ В соавторстве с Алисой Шамир.

нии – большую комнату с дюжиной телевизионных экранов, показывающих бесконечную пустоту. Четыре просторных этажа незначительной невнятицы венчает пятый этаж с коллекцией костюмов от Армани. Любой экспонат без ущерба можно заменить любым другим. Здесь нет «Рафаэлей ржавого железа», художник как творец искусства уступил свое место куратору музея, владельцу художественной коллекции. Это они решают, какой именно мусор будет выставляться, чье именно имя будет красоваться под фотографией размокшего куска мыла или дохлой крысы. И только блестящий ярлык Армани царит, неподвластный воле куратора, а может, наоборот, как воплощение идеального искусства в глазах куратора.

Музей современного искусства в Бильбао должен был выставлять «Гернику» Пикассо, эту современную версию Страшного Суда. На деле он забит металлоломом. Это наглядный пример упадка, нет, кончины европейской изобразительной традиции. Музей Гуггенхайма – отнюдь не исключение из правил, он устанавливает правило и моду. На Бьеннале современного искусства в Венеции, бельгийцы представили ряд стульев, японцы – 100 метров фотографий живой клетки, израильтяне – бесконечные книжные полки, забитые дешевыми прошлогодними бестселлерами, англичане – сплюсненные старые автомобили. По дороге в Милан мы обогнали грузовик, везущий прессованные автомобильные остовы на свалку. Они могли бы стать экспонатом Гуггенхайма, как, впрочем, и любая куча мусора. Никто бы не удивился, если бы эту кучу сопровождала табличка с именем художника, страной и перечнем исходных материалов.

В музее Амстердама мы видели коллекцию полуразложившихся, гниющих свиных туш. Газеты писали, что одна из туш, погруженная в емкость с формалином, пленила воображение частного американского коллекционера, и тот купил ее за пятьдесят тысяч долларов. Решением двух мамонцев – частного коллекционера и музейного куратора – она стала произведением искусства. В церкви Св. Николая в Копенгагене, вместо вдохновенных образов Мадонны (удаленных из церкви добрыми протестантами), мы видели огромную цветную фотографию старой больной женщины, рядом женские гениталии размером с амбарные ворота, рядом натуралистичный акт орального секса в гомосексуальном исполнении. В церкви в Амстердаме шла выставка моментальной пляжной фотографии. У таких выставок две задачи – профанировать и церковь, и искусство; и обе они с успехом выполняются – церкви Амстердама и Копенгагена стоят пустые, а их художники производят мусор.

Как же эти тошнотворные постеры, тухлые кадавры или дешевое порно стали называться произведениями искусства? Предтечи современного искусства, Густав Курбэ или Эдуард Манэ, восставали против романтического отрицания реальной жизни и реального человека. Пионеры современного искусства, Марсель Дюшамп и Казимир Малевич старались эпатировать буржуазию, расширить границы искусства, показать безграничность человеческого духа. Но их парадоксальная шутка о том, что «все, что выставлено в музее, есть искусство» была воспринята с убийственной серьезностью и возведена в ранг непреложной истины.

Принцип оказался удобным для семейства Гуггенхаймов, основавших музеи в Нью-Йорке, Бильбао, Венеции. У них было достаточно средств, дабы построить роскошные здания; они точно знали, что им надо, и они были не прочь стать верховным арбитром. Фамилия Гуггенхайм стала брэндом в искусстве. Сначала были полотна сомнительной эстетической ценности, вроде «абстрактной живописи» Джексона Поллока; и вот мы докатились до тухлых свиней, ржавого металлолома и костюмов Армани. Искусство было уничтожено.

II

На расстоянии дневного перегона от Бильбао в древнем королевском граде Леоне можно посетить один из старейших и прекраснейших европейских кафедральных соборов с

его дивными витражами. Церкви и храмы были первым и важнейшим хранилищем и патроном искусства. Они не были заказчиками, как современный банк, который заказывает картину для украшения главного офиса. Изобразительное искусство неразрывно связано с церквями и храмами; оно есть форма высшего служения, провозглашающее внутреннее родство и созвучность Бога и Человека. Стены Кремлевских храмов сияют древними русскими иконами, в церквах Италии можно увидеть работы кисти Караваджо и Рафаэля, лики божественной красоты смотрят из ниш буддийских храмов Пагана и Киото. Прекрасные мраморные тела Афродиты, светлые лики Богородицы, суровые изображения Христа Вседержителя, грациозные статуи Будды – в этом была суть до-современного искусства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.